

Journal of Institutional Studies

ЖУРНАЛ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ТОМ 5

НОМЕР 3

2013

Журнал издается при поддержке
Международной ассоциации институциональных исследований

СЛОВО РЕДАКТОРА

- Дементьев В. В.** О некоторых особенностях предмета институциональной теории 5

ИСТОРИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

- Нуреев Р. М.** Россия: плюсы и минусы раннего распространения идей марксизма вширь 14

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

- Малахов С. В.** Эффект Веблена, предельная полезность денег и денежная иллюзия 58

СОВРЕМЕННАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

- Длугопольский А. В.** Роль социального капитала в совершенствовании развития социально-экономических систем 81
- Тимошенко И. В.** Экономические институты и этика бизнеса 102
- Мельников В. В.** Проблема оппортунизма в государственных закупках ... 114

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

- Латов Ю. В.** Бифуркационные ситуации социально-экономической истории допетровской России (история несостоявшейся европеизации) 125

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА

- Колосовский А. М.** Инфраструктурный комплекс Калининградской области: проблемы постиндустриальной модернизации 144

КОНФЕРЕНЦИИ

- II Международная научно-практическая конференция «Великие экономисты и великие реформы»: «На заре российской экономической мысли» (К 290-летию «Книги о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова)..... 161

РОССИЯ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ РАННЕГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИДЕЙ МАРКСИЗМА ВШИРЬ

НУРЕЕВ РУСТЕМ МАХМУТОВИЧ,

*заведующий кафедрой макроэкономики
Финансового университета при Правительстве РФ,
заслуженный работник Высшей школы РФ,
доктор экономических наук, ординарный профессор НИУ ВШЭ,
e-mail: nureev50@gmail.com*

Статья посвящена изучению работ К. Маркса в императорской России. Анализируются предпосылки и причины неприятия учения Маркса западной академической экономической наукой, с одной стороны, и быстрого распространения марксизма в стране второго эшелона развития капитализма, с другой. Особое внимание уделяется разбору работ В. И. Ленина, показывается его роль как популяризатора и вульгаризатора Маркса, исследуются факторы, способствовавшие русификации и ориентализации марксизма. Распространение марксизма в Российской империи “вширь” произошло в гораздо большей степени, чем это позволяли внутренние экономические, социальные или культурные условия. Но та же российская действительность стала тормозом для распространения марксизма в России “вглубь”, для его развития в целостной и адекватной первоисточнику форме. В заключении анализируются причины повышения интереса к академическому марксизму как в нашей стране, так и за её пределами.

Ключевые слова: *камералистика; историческая школа; марксизм; генезис капитализма; догоняющее развитие.*

RUSSIA: PROS AND CONS EARLY SPREAD OF MARXISM IN BREADTH

NUREEV RUSTEM, M.,

*Head of the department «Macroeconomics»,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Honored Worker of Higher School of the Russian Federation,
PhD, Tenured Professor of HSE,
e-mail: nureev50@gmail.com*

The paper is devoted to studying the works of Karl Marx in Imperial Russia. The author examines the background and reasons for rejection of the teachings of Marx Western academic economic science on the one hand, and the rapid spread of Marxism in the country, the second echelon of capitalism on the other. Particular attention is paid to analysis of works by V. Lenin, showing his role as a popularizer and vulgarizer Marx, investigates the factors that contributed to Russification and orientalizing Marxism. The spread of Marxism in the Russian Empire “breadth” occurred to a much greater extent than is allowed domestic economic, social and cultural conditions. But the same Russian reality

© P. M. Нуреев, 2013

has become obstacle to the spread of Marxism in Russia, "depth", for its development in an integrated and adequate primary source form. In conclusion, the author analyzes the causes of increasing interest to the academic Marxism, both in our country and abroad.

Keywords: *historical school; Marxism; the genesis of capitalism; the catching-up development.*

JEL: *B14, B15, B24, B41, N33, N53, P12.*

1. Запоздалое открытие Маркса

На похоронах Карла Маркса в субботу, 17 марта 1883 года, на Хайгетском кладбище присутствовало всего 11 человек. Его друг и соратник, Фридрих Энгельс, произнес фразу, которая тогда могла показаться завышенной оценкой: «И имя его, и дело его переживут века» (*Маркс и Энгельс. Т. 19. С. 352*). Действительно, современникам Маркс был известен лишь по тем работам, которые публиковались весьма ограниченным тиражом в рабочей печати. Влияние учения Маркса на современников было довольно скромным. Более трёх четвертей работ Маркса не были опубликованы при его жизни. Но и то, что было опубликовано, было издано в разных странах и на разных языках. Его публикации в *New York Tribune* были посвящены текущим событиям, полемические работы вроде «Святого семейства» (1845) или «Нищеты философии» (1847) известны лишь узкому кругу друзей. «К критике политической экономии» (1859) и «Капитал» (1867) в ту пору были еще не поняты современниками и игнорировались официальной академической наукой. Второй и третий тома «Капитала» были изданы Фридрихом Энгельсом уже после смерти Маркса (в 1885 и в 1894 году), четвертый том – Карлом Каутским в 1905-1910 гг. Однако последний том стал достоянием широкой общественности лишь после его вторичной публикации Институтом Маркса-Энгельса-Ленина в 1954-1961 гг.

Революционные «Тезисы о Фейербахе» (1845) появились лишь в качестве приложения к работе Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» в 1888 г., «Наброски ответа на письмо В. И. Засулич» - в 1924 г., «Экономическо-философские рукописи 1844 г.» - в 1932 г., «Немецкая идеология» (1845) - в 1932-1933 гг., «Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства» - в 1933 г., «Экономические рукописи 1857-1859 гг.» - на языке оригинала в 1939-1941 гг., а на русском языке - в 1968-1969 гг., «Экономическая рукопись 1861 - 1863 гг.» (тетради I-V, XV-XXIII) - в 1973-1980 гг., первая и третья главы второго варианта II тома «Капитала» – в 1981 г. и т.д. Несистемное восприятие экономического наследия К. Маркса, абсолютизация в разные периоды развития отдельных опубликованных произведений, их анализ в отрыве от других сочинений основоположника марксизма привели к известному упрощению и вульгаризации его взглядов в социал-демократической литературе конца XIX - начала XX в., а также в советской экономической литературе 1920 - 1980-х годов.

Публикация сочинений растянулась на 100 лет, а понимание началось только в конце периода социализма (*Ильенков, 1960; Розенталь, 1967; Вазюлин, 1968; Кузьмин, 1976; История марксистской диалектики. От возникновения марксизма до ленинского этапа, 1971 и др.*). Долгое время не было главного: снятия сакральности с сочинений К. Маркса,

понимания его не как пророка, а как живого человека, как развивающегося ученого. Первые шаги в этом направлении в нашей стране были сделаны только в 1970-1980 гг. (*Выгодский, 1970; 1975; Шкредов, 1973; Багатурия и Выгодский, 1976; Коган, 1983; Смирнов, 1984; Первоначальный вариант «Капитала» (Экономические рукописи Маркса 1857-1859 годов), 1987; Всемирная история экономической мысли, 1988. С. 320-538 и др.*).

Однако в середине 1980-х годов в России уже началась перестройка и кризис марксистской идеологии увлек за собой творческие находки нового поколения марксистов. Творческий марксизм стал казаться менее значимым, чем то, что было сделано в западной экономической науке за сто лет после смерти Маркса. Между тем, влияние Маркса на западную экономическую науку оказалось, к удивлению советских людей, более чем скромным. В этом отчасти был повинен и сам Маркс.

2. Причины неприятия учения Маркса западной академической экономической наукой

Карл Маркс считал, что лучшим в первом томе «Капитала» было изложение двойственного характера труда и анализ прибавочной ценности независимо от конкретных форм её проявления: прибыли, процента и земельной ренты (*Маркс и Энгельс. Т. 31. С. 277*). То, что казалось главным Марксу, не оказалось столь впечатляющим для его современников. Почему это произошло?

В неприятии первого тома «Капитала» западным экономическим сообществом нет ничего удивительного, и в этом трудно искать (вслед за Марксом) какой-либо заговор молчания. Редкие академические сочинения получают всемирную известность сразу в момент их публикации. Для этого, во всяком случае, необходимы определённые предпосылки, которые в данном случае отсутствовали совсем. Маркс никогда не преподавал ни в одном мало-мальски известном университете. Свою докторскую диссертацию он получил довольно давно (в 1841 г.) в Йенском университете, известном тем, что это учебное заведение давало быстро и без споров отзывы на докторские диссертации (*Уин, 2003. С. 41*)¹. Публичной защиты (как в Советском Союзе) или широких диспутов (как в средневековых университетах), естественно, не было, как не было у Маркса и опыта преподавания в высших учебных заведениях. Уже этот простой факт легко объясняет задержку в распространении его идей. К тому же, произведения произведения рознь: «Манифест коммунистической партии» можно прочитать за один вечер (было бы желание). С «Капиталом» Карла Маркса такую операцию осуществить довольно трудно². Нужно время, желание и главное – определённый уровень подготовки. Причём подготовки довольно серьёзной – как специальной (необходимо знакомство, как минимум, с немецкой классической философией и английской и французской классической политической экономией), так и общей (необходимо, по меньшей мере, университетское гуманитарное образование, которое вряд ли можно было встретить в среде тогдашнего рабочего класса). Напомним, что как огромное достижение в середине XIX века было воспринято введение обязательного начального образования в Великобритании. А Англия в этом плане заметно опережала

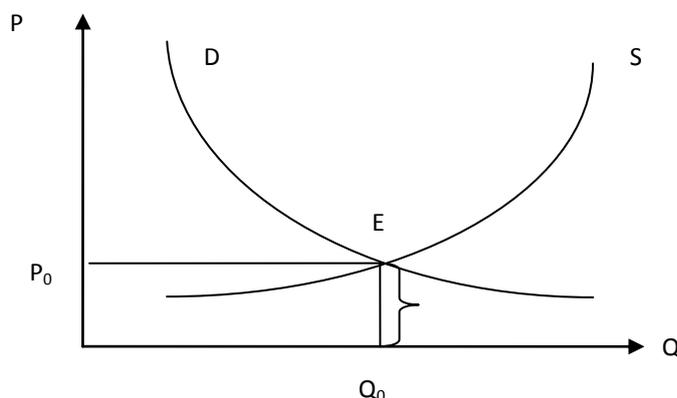
¹ Во всяком случае, Маркс получил учёную степень доктора философии уже через 9 дней после того, как направил туда свою диссертацию.

² «И самого себя по шее глядя, - уговаривал себя С. А. Есенин, - я говорю – настал наш срок: давай, Сергей, за Маркса тихо сядем, чтоб разгадать премудрость скучных строк».

континент. Отсутствие интереса объясняет тот парадоксальный факт, что на английский язык 1-й том «Капитала» переведут лишь 20 лет спустя, в 1887 году.

Между тем вопрос о пролетарском происхождении имел в XIX и в XX веке гипертрофированное значение. Маркс отказался от поста председателя Генерального совета I Интернационала, ссылаясь на то, что он не является представителем рабочего класса³. Любопытно, что эта традиция сохранялась и много позже: в Советском Союзе вплоть до середины 80-х гг. XX века на отделения политической экономии экономических факультетов университетов имели значительное преимущество люди с производственным стажем, а не те, кто закончили образовательные школы в текущем году.

Не следует забывать и тот факт, что пик популярности трудовой теории ценности (во всяком случае, в её рикардианской трактовке) в академической среде давно уже прошёл. В 70-90-е гг. XIX века начинает получать всё большее распространение теория предельной полезности. Хотя первые шаги в этой области были сделаны гораздо раньше (А. Курно в 1838 г., а Г. Госсеном в 1854), однако лишь 1870-е гг. знаменуют качественный перелом в этой области: в 1871 г. публикуют свои работы У. Стенли Джевонс (1835-1882) и Карл Менгер (1840-1921), в 1874 - Леон Вальрас (1834-1910). Позднее появляются работы Эйгена Бём-Баверка (1851-1914) и Фридриха фон Визера (1851-1926). Теория предельной полезности дополняется в 1886 году теорией предельной производительности Джона Бэйтси Кларка (1847-1938). Фактически все эти изменения, естественно, не нашли никакого отражения в последующих переизданиях и переводах первого тома «Капитала», подготовленных Марксом (1872 и 1875) и Энгельсом (1883, 1886 и 1890 г.). На самом деле изменения носили кардинальный характер: вместо политической экономии как философии хозяйства появляется совсем другая наука – экономикс, выступающая как набор практических рецептов по оптимизации деятельности экономических агентов в условиях ограниченных ресурсов. Хотя формально термин "Economics" появится ещё в 1871 в «Теории политической экономии» У. С. Джевонса, его широкое распространение и современное содержание относится к более позднему периоду - 1880-1890-м гг.

*Рис. 1. Ценность как основа уровня цен (по Марксу).
Интерпретация с позиции неоклассиков*

³ Маркс полагал себя лишённым права на выборы на пост председателя Генерального совета Интернационала «потому что он является работником умственного труда, а не тем, кто работает руками». Хотя и не отрицал того очевидного факта, что в Генеральном совете Интернационале могут работать и люди непролетарского происхождения.

Происходит смещение центра экономических исследований. Если в центре внимания классиков английской политической экономии была сфера производства (А. Смит) и распределения (Д. Рикардо), то в построениях новых экономистов всё большее значение приобретает сфера обмена и потребления. Изменяется и масштаб рассмотрения: в центре оказывается не государство, а фирма и индивид. Микроэкономические основы анализа рыночных структур вытесняют макроэкономический масштаб политической экономии. Меняется и сам анализ микроэкономических основ. Если в центре внимания А. Смита и Д. Рикардо был закон ценности, то у Джона Стюарта Милля эту роль играет уже закон спроса и предложения, а у К. Менгера, У. Джевонса и Л. Вальраса - закон убывающей полезности. Изменяются не только цели и предмет исследования, но и метод анализа. На смену формальной и диалектической логике постепенно приходит логика математическая. В центре внимания исследователей оказывается сравнительная статика, оптимизационные и равновесные модели. Эти изменения обобщаются Альфредом Маршаллом (1842-1924) в его «Принципах экономики» (1890 г.).

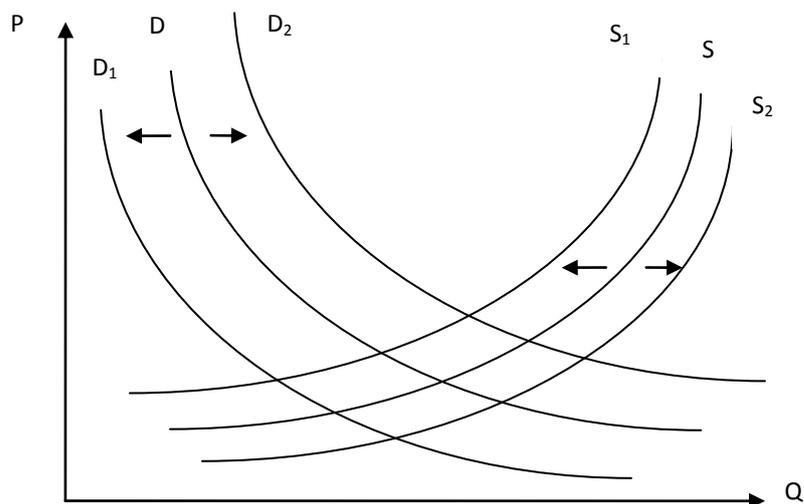

Рис. 2. Предмет исследования неоклассики - относительные изменения цен

Не удивительно, что в этих условиях замысловатые диалектические построения Карла Маркса оказались невостребованными. С позиций тогдашней науки они казались более обращёнными в прошлое, чем в будущее, более теоретическими, чем практическими. Будучи оторванным от современной академической науки, её новейших поисков и открытий, он в тишине библиотеки Британского музея интересовался вековыми тенденциями развития политической экономии, с позиций которой новые веяния казались лишь вульгаризацией классических основ. Если Маркса интересовала ценность как основание рыночных цен и весь первый том «Капитала» исходит из предпосылки соответствия цен ценности, то его современников гораздо больше интересовали случаи отклонения этих цен от ценности. Если в центре внимания Маркса остаётся совершенная конкуренция, то в центре внимания неоклассиков – рыночные структуры, вырастающие из этой совершенной конкуренции: чистая и естественная монополия, монополистическая конкуренция и ценовая дискриминация, олигополия и монополия. Сильно упрощая, поясним это на наглядно

графическом примере. Выражаясь современным экономическим языком, Маркса, главным образом, интересовал абсолютный равновесный уровень (см. рис. 1): почему пирожки продаются за 10 рублей, а современные автомобили за сотни тысяч. В центре внимания экономистов - неоклассиков находится, наоборот, относительное изменение цен. Применительно к совершенной конкуренции это означает сдвиги кривых спроса и предложения (см. рис. 2). Однако современная экономика, естественно, не ограничивается анализом совершенной конкуренции, а исследует все типы рыночных структур (причём не только по отношению к рынкам потребительских товаров и услуг, но и к рынкам ресурсов).

3. Пореформенная Россия: зачем понадобился К. Маркс?

Совсем иная ситуация сложилась с изучением произведений Карла Маркса в России. Для того чтобы понять причины этого, необходимо хотя бы кратко напомнить особенности российской экономической мысли, чётко обозначившиеся к середине XIX века. Они позволят нам ответить на вопрос, были ли условия в императорской России для распространения идей К. Маркса.

Не секрет, что восприятие обществом экономических проблем определяется национальным менталитетом, сложившимися в данной стране традициями мышления, закономерностями развития гуманитарного знания, наличием или отсутствием барьеров между академическим и неакадемическим сообществом.

Для российской общественной мысли характерен подход к проблемам с позиции методологического коллективизма (холизма). Однако сам холизм является не самоцелью, а средством обеспечения условий для всестороннего развития человеческой личности (антропоцентризм). Именно на этой почве возникает у славянофилов идея "соборности" (А. С. Хомяков) и "целостности" (И. В. Киреевский) общества. Поэтому для большинства российских мыслителей характерно акцентирование внимания на развитии духовного мира в противовес материальному. Эти черты общественознания являются прямым духовным наследием русского православия.

Важной особенностью российской экономической мысли было то, что она воспринимала передовые достижения своих западных собратьев в условиях догоняющего развития. Отсюда возникает стремление не только (а часто и не столько) изложить основные вопросы теории, сколько попытаться приложить их к российской действительности. Неудивительно поэтому, что Россия как раз относится к тем странам, в которых отсутствуют барьеры между академическим и неакадемическим сообществом. Многие ее ученые-экономисты очень часто оказываются вовлеченными в острые политические дискуссии, в которых вопросы приложения теории разрабатывались гораздо более тщательно, чем сама теория.

Огромную роль в становлении российской экономической мысли сыграла немецкая камералистика. Первый заведующий первой кафедрой политической экономии и дипломатики (возникшей в 1805 году в Московском университете) был немец Христиан фон Шлёцер (1774-1831). Первый академик-экономист Российской академии наук был также немцем прибалтийского происхождения – Генрих Фридрих фон Шторх (1766-1835). Если к ним, вслед за В. Рошером, добавить Людвига Генриха фон Якоба (1759-1827), Георга фон Канкринна (1774-1845) и Теодора фон Бернгарди

(1802-1887), то может показаться, что идея В. Рошера о существовании немецко-русской школы не лишена известных оснований (*Rosher, 1924. P. 807*).

Однако это было, конечно, известным преувеличением. Если их и можно было бы объединить, то как и старшую немецкую историческую школу, лишь "задним числом", поскольку сами эти ученые исходили из разных методологических предпосылок и придерживались разных взглядов. Если говорить о наиболее крупных из них (о Шлёцере и Шторхе), то они выступали скорее как конкуренты и каждый из них старался закрепить за собой пальму первенства создания первых российских экономических произведений. Не соглашаясь с В. Рошером (относительно существования мало-мальски цельной экономической школы)⁴, нельзя не отметить, что для них были характерны некие общие черты.

Для России, как и для Германии, применение политической экономии должно было иметь свои особенности, связанные с тем, что теории более передовой страны не могли быть прямо применены для страны более отсталой. На построениях немецких экономистов сказалось и влияние И. Канта, для которого было характерно критическое отношение к применению дедуктивного метода и законов причинности к общественным наукам, позднее и Ф. Листа (1789 – 1846), развивавшего идеи национальной экономики. Поэтому авторы в первую очередь стремились учитывать экономические особенности той страны, для которой писали свои книги.

Исходным пунктом анализа и для Шлёцера, и для Шторха является не индивид, а общество (нация). И тот, и другой стараются привлекать историко-статистический материал для конкретизации английской теории. И тот, и другой проявляют интерес к процессу экономического развития. Однако это было не какой-то специфической чертой "данной школы", а общегерманской чертой того времени. Характерно, что эти особенности закрепятся и станут характерной чертой национальной политической экономии.

Немецкое влияние не прекратилось с завершением академической карьеры этих профессоров. Оно было несомненным и на членов кружка Станкевича (*Ф. В. Шеллинг*), и на А. И. Герцена (*Г. Гегель, Л. Фейербах*), и на Н. Г. Чернышевского (*Л. Фейербах*), и на славянофилов (*А. фон Гакстгаузен, Г. Гегель*), и уж тем более на западников (*Г. Гегель*). Однако, наряду с немецким влиянием, все большее значение в России приобретают идеи ученых французского Просвещения и французских социалистов-утопистов (и прежде всего А. Сен-Симона). Поэтому восприятие английской политэкономии было не прямым, а косвенным, опосредованным этими концепциями. Любопытно, что главное произведение Д. Рикардо "Начала политической экономии и налогового обложения" было переведено Н. И. Зибером (1844-1888) на русский язык позже первого тома "Капитала" К. Маркса (лишь в 1873 году). Н. И. Зибером же был подготовлен перевод собрания сочинений Д. Рикардо, опубликованный в 1882 году.

В середине XIX века все большее и большее влияние приобретает историческая школа. Она получает широкое развитие как в академической (*И. К. Бабст*), так и в неакадемической среде. Большое значение имел для России призыв Г. Шмоллера к необходимости тщательного изучения фактического материала, что нашло широкое развитие в работах

⁴ Критику подхода В. Рошера подробнее см.: (*Цвайнерт, 2007. С. 82-96*).

представителей народнической школы. Дискуссия 1850-1870-х годов вокруг общины показала необходимость широкого использования фактического материала для обоснования своей точки зрения.

Таковы были традиции русской экономической мысли перед началом проникновения идей К. Маркса в Россию. И они были в значительной мере более благоприятными для распространения его учения, чем ситуация, сложившаяся в Западной Европе и Северной Америке.

Кто же были те счастливые россияне, которые общались и писали о Марксе в период его жизни? Это либеральный дворянин П. В. Анненков (1812-1887), либеральный народник Н. Ф. Даниельсон (1844-1918), "законченный интриган"⁵ М. А. Бакунин (1814-1876), "социалист-дилетант", "русский панславист" А. И. Герцен (1812-1870), а также члены русской секции I Интернационала – Н. И. Утин (1841-1883), В. И. Бартенев (р. 1838), А. Д. Трусков (1835-1886). Их вклад в пропаганду марксизма более чем скромнен, и если и вспоминают их имена, отнюдь не в связи с ним. Характерно, что Маркс лично стал секретарем русской секции Интернационала!

Русская цензура довольно нежно обошлась с произведениями К. Маркса, достигавшими пределов Российской Империи. В 1848 г. было получено разрешение цензуры на ввоз в Россию "Нищеты философии". Предмет сочинения, считала цензура, не может быть применен к России и представляет "умозрения довольно отвлеченные". В 1867 г. цензура разрешила распространение немецкого издания "Капитала", а в 1872 г. его русского перевода, рассматривая его как сочинение "строго научное, тяжелое и малодоступное" (*Реуэль, 1956. С. 233*). Цензура полагала, что книгу Маркса "немногие прочтут", "а еще менее поймут ее". К тому же рассматривало её как критику практики терроризма революционных народников, начавшейся после провалившегося в 1873 году "хождения в народ". В числе прочего марксизм способствовал упрочению европейского вектора развития русской общественной, особенно экономической мысли. Цензура ошиблась, так как весь тираж первого русского издания "Капитала" (в 3 000 экземпляров!) разошелся всего за 4 месяца (*Реуэль, 1956. С. 237*)⁶. Хотя цензура явно недооценила аудиторию потенциальных читателей, она оказалась в значительной мере права в оценке уровня понимания этого произведения российским читателем. Неслучайно, что даже первый русский ученик К. Маркса Николай Иванович Зибер не будет питать никаких иллюзий о бэкграунде русских революционеров: "Люди они хорошие,- писал он, - но в научном социализме и политической экономии ровно ничего не смыслят от А до Z"⁷.

Публикация русского перевода вызвала дискуссию, в ходе которой мнения разделились. Ю. Г. Жуковский выступил в сентябре 1877 г. с резкой критикой теории К. Маркса. Поскольку уровень критики был невысокий, Н. К. Михайловский публикует язвительную статью "К. Маркс перед судом г. Ю. Жуковского". Автор считает, что Маркс ставит российского читателя в чрезвычайно трудное положение, поскольку, с одной стороны, он описывает социальные последствия введения фабричного производства, подробно

⁵ Здесь и далее в кавычки взяты выражения К. Маркса.

⁶ О качестве этого перевода свидетельствует хотя бы тот широко известный факт, что немецкий термин "WERT" был переведён не как "ценность", а как "стоимость".

⁷ Цит. по: (*Овсяннико-Куликовский, 1923. С. 146*). О резервах самого Н. И. Зибера в понимании учения К. Маркса подробнее см.: (*Цвайнерт, 2007. С. 266-277*).

характеризуя, как фабрика калечит и уродует женщин и детей (особенно в 13-й главе первого тома "Капитала"), а с другой стороны, довольно скептически относится к "русскому социализму" А. И. Герцена. Маркс ответил на критику Михайловского "Письмом в редакцию "Отечественных записок" (*Маркс и Энгельс. Т. 19. С. 116-121*). В этом письме Маркс, опираясь на работу Н. Г. Чернышевского "Критика философских предубеждений против общинного владения", полагал, что Россия может перейти к социализму, минуя капитализм. Неудивительно, что симпатии Маркса к народникам привели в замешательство Г. В. Плеханова и его товарищей по группе "Освобождение труда".

Однако был ли Маркс сторонником прямого и непосредственного применения идей «Капитала» в России? Дать однозначный ответ на этот вопрос довольно сложно. Поэтому Вера Ивановна Засулич в своём письме от 16 февраля 1881 года просит Маркса разъяснить свою позицию. Однако и «Письмо В. И. Засулич», и «Наброски ответа на письмо В. И. Засулич» дают противоречивый ответ, который русские народники восприняли скорее как «да», чем как «нет» (*Маркс и Энгельс. Т. 19. С. 250-251, 400-421*). Хотя к этому ответу Маркс пришел не без заметных колебаний. Сохранилось три наброска ответа, которые занимают в собрании сочинений 22 страницы, тогда как сам ответ – менее 2-х страниц.

Тем не менее, Маркс полагал (в 1880 г.), что в России (стране, в которой 141 год назад появился первый перевод 1-го тома "Капитала") его "больше читают и ценят, чем где бы то ни было" (*Маркс и Энгельс. Т. 38. С. 380*). Действительно, только в 1870-х гг. в России появилось свыше 150 рецензий, статей и упоминаний о "Капитале"⁸. Их было настолько много, что одна из них (опубликованная в Санкт-Петербургских ведомостях 8 (20) апреля 1872 г.) была удостоена чести попасть в Послесловие ко второму изданию первого тома «Капитала» (*Маркс и Энгельс. Т. 23. С. 18-19*).

Перевод II тома "Капитала" появился на русском языке уже в 1885, а III тома в 1896 году. Их переводчиком был либеральный народник Николай Францевич Даниельсон, который с 1868 года переписывался с Марксом и Энгельсом. История перевода "Капитала" народниками закономерно привела к тому, что они оказались первыми интерпретаторами Маркса на русской почве. Вольно или невольно Маркс оказался человеком, лившим воду на их мельницу.

Именно Даниельсон в статье 1880 года первым делает однозначный вывод о том, что капитализм в России, не успев выполнить свою историческую миссию, уже пришёл в упадок и не имеет будущего⁹. Причины кризиса капитализма в России Н. Ф. Даниельсон связывал с противоречивостью деятельности правительства, которое, с одной стороны, в соответствии с Реформой 1861 года, наделило крестьян землёй, а с другой, — использовало полученные с крестьян деньги на развитие капитализма. Возникало противоречие между аграрным и промышленным секторами. Капитализм основан как раз на отделении непосредственных производителей от средств производства. Однако община препятствовала возникновению рынка труда и осуществлению инвестиций в аграрной сфере, тогда как промышленность разоряла крестьян, подрывая их кустарное

⁸ Подробнее см.: (Пустарнаков, 2004).

⁹ "Слово" 1880. № 10, с. 1-78. Позднее эта статья стала основой книги: Николай –он (Даниельсон) "Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства". СПб, 1893.

производство. Это предопределило упадок сельскохозяйственного производства и стало причиной страшного голода 1890-1891 годов.

Более внимательное и взвешиваемое отношение к наследию Маркса говорит о том, что его идея некапиталистического развития России заметно отличалась от подхода Даниельсона. Однако «Наброски ответа на письмо В. И. Засулич» были опубликованы на русском языке лишь в 1924 году и о их содержании россияне тогда ничего не знали. "Капитал" К. Маркса был тогда интересен русским читателям в ином плане: передовая интеллигенция сама, опираясь на свой опыт, пыталась понять исторические судьбы развития капитализма в России¹⁰.

Оценить характер развития пореформенной России, степень проникновения капитализма в земледелие, опутанное феодальными и дофеодальными пережитками, общее и особенное в становлении капитализма на периферии буржуазного мира в 80-90-е годы XIX века было непросто.

"Промышленная организация России, - писал в 1882 году Василий Павлович Воронцов, - представляется гораздо более сложной, чем западноевропейская...Трудно даже сказать, чтобы у нас прочно утвердился какой-либо строй... Масса противоречащих друг другу явлений... указывает на то, что в нашей экономической жизни идёт борьба нескольких начал, сосуществуют рядом процессы разрушения и созидания, что направление дальнейшего движения ещё не выяснилось" (*Воронцов, 1882. С. 9-10*).

Однако эта ситуация, о которой Ф. Энгельс напишет спустя 20 лет, возникла далеко не сразу. Объективная сложность заключалась не только в сосуществовании многообразных переходных форм и отношений. Россия в силу длительного сохранения крепостнических отношений заметно отстала от передовых стран Западной Европы и Северной Америки, в которых капитализм получил широкое распространение. Молодой российский капитализм столкнулся с сильной конкуренцией на внешних рынках. Внутри страны его развитию препятствовали многочисленные феодальные и дофеодальные отношения, как в сфере бизнеса, так и в сфере политической надстройки. Поэтому вопрос о роли внешнего рынка для развивающегося российского капитализма стоял, по мнению народников, особенно остро¹¹.

Сложность теоретического осмысления происходящих процессов, выработки правильной стратегии и тактики развития страны усугублялась ещё тем, что передовая русская интеллигенция видела обнажившиеся на Западе внутренние противоречия капиталистического развития. Уже основоположники русского «крестьянского социализма» думали о том, как избежать «капиталистической язвы», найти для России особый, некапиталистический путь к социализму. В условиях неразвитости капиталистических отношений они обращали свои взоры к крестьянству,

¹⁰ Более определенный ответ даст позднее Ф. Энгельс, который гораздо более критично относился к "русскому социализму". В письме к Н. Ф. Даниельсону 15 марта 1892 г. он напомнит, что Маркс по поводу Ю. Жуковского говорил об опасностях, возникших после крестьянской реформы: "Если Россия и дальше пойдет по тому пути, на который она вступила в 1861 г., то крестьянская община обречена на гибель. Мне кажется, что именно сейчас это начинает сбываться... Боюсь, что нам придется рассматривать вашу общину, как мечту о невозвратном прошлом и считаться в будущем с капиталистической Россией" (*Маркс и Энгельс. Т. 38. С. 265*).

¹¹ См., например: (*Воронцов, 1882. С. 12-16*); Николай –он. Очерки нашего пореформенного хозяйства. СПб, 1893, с. 323-324 и др.

вольно или невольно идеализируя русскую патриархальную деревню.

"Так как обобществление труда, — полагал В. Воронцов, — не может одновременно совершиться повсюду капиталистическим путём, то при столкновении нескольких стран следует допустить возможность одного из трёх исходов: 1) или страны, позднее вступившие на путь капиталистического развития, должны вечно оставаться на низкой, например, ремесленной ступени его, 2) или процесс обобществления труда может совершиться у них иным, не капиталистическим путём, 3) или, наконец, оно совершится лишь после того, как в странах, ушедших вперёд, капиталистическое производство закончит весь цикл своего развития и превратится в народное..." (*Воронцов, 1882. С. 16*).

Ограниченность внешнего рынка, с одной стороны, и "возможность воспользоваться всеми техническими усовершенствованиями более развитых стран", — с другой, приводили В. Воронцова к выводу о том, что крупная промышленность будет развиваться "не столько экстенсивно, сколько интенсивно", без широкого привлечения дополнительных рабочих рук. Поэтому он делает вывод, что в России "нет надобности в дальнейшем обезземеливании русского народа, и следовательно, в уничтожении общины", потому что "лишившийся работы крестьянин не найдёт работы на фабрике". В условиях, когда внешние рынки заняты, крупная промышленность должна ориентироваться, прежде всего, на внутренний сбыт и "степень её процветания находится в прямом отношении к зажиточности массы населения; каждый же безземельный крестьянин... уменьшает запросы на её продукты" (*Воронцов, 1882. С. 31*)¹².

Отсюда делался чёткий и ясный "классовый вывод" для России: "...В противоположность передовым странам Западной Европы, - после ослабления влияния крупного землевладения, руководство общественным развитием, в соответствии с изменениями, имевшими место в экономической сфере, перешло в руки буржуазии, за которую, в качестве её вероятного наследника виднеется фабрично-заводской пролетариат, - в России буржуазия обречена на второстепенную роль, фабрично-заводской пролетариат не имеет шансов на более или менее значительное развитие, и потому главнейшей возможной социальной основой нашего будущего, как это было и в прошлом, является крестьянство" (*Воронцов, 1893*)¹³.

В этих рассуждениях наглядно видно не только не понимание процесса так называемого первоначального накопления капитала для создания предпосылок развития буржуазного общества, но и смешение позитивного и нормативного анализа, желаемого и действительного. Однако в ходе развития русского капитализма построения народников всё более теряли реальную основу.

Критика теорий либеральных народников легальными марксистами¹⁴ была «искажением» идей К. Маркса наоборот, так как последние

¹² См., также: Николай – он. Очерки нашего пореформенного хозяйства. СПб, 1893, с. 335-346.

¹³ В. В. (В. Воронцов). Наши направления. СПб, 1893. С. V.

¹⁴ Введённый В. И. Лениным термин "легальные марксисты" довольно условен и относится к прежде всего к трём экономистам: Петру Бернгардовичу Струве (1870-1944), Михаилу Ивановичу Туган-Барановскому (1865-1919) и Сергею Николаевичу Булгакову (1871-1844). До 1899 года такое разграничение не имело большого смысла, так как в полемике с народниками марксисты выступали более или менее единым фронтом и публиковались в одних и тех же журналах. Позднее, однако, это разграничение приобретает реальный смысл, так указанные авторы отходят от материализма к идеализму, от марксизма к кантианству.

идеализировали капитализм, абстрагируясь от антагонистического характера его развития. Хотя оба направления первоначально использовали в своих построениях марксистские формулировки, они вольно или невольно упрощали и искажали марксизм. Любопытно, что это было характерно не только для них, но и для тех, кто считал себя правоверными марксистами. В прочем обо всём по порядку.

Начатая Г. В. Плехановым критика этих направлений имела определённое значение. Однако она не решила полностью проблему, так как носила слишком общий, абстрактный характер и не использовала всего богатства фактического и статистического материала, которым оперировали либеральные народники и легальные марксисты. Необходимо было вскрыть не только общие теоретические ошибки народников, но и на конкретном материале, с цифрами в руках, шаг за шагом показать особенности развития капитализма в России. Задача защиты марксизма переросла в задачу конкретизации и дальнейшего развития марксистской теории капитализма на материалах страны «второго эшелона развития» капитализма.

Революционная интеллигенция, разуверившись в российском крестьянстве и в тактике терроризма после убийства Александра II (1881), хотела опереться на объективный социально-экономический процесс. Поэтому детерминистские элементы в учении Маркса сразу привлекли её внимание¹⁵. Российских читателей заинтересовала, прежде всего, характерная для автора «Капитала» цельность социального видения капиталистической экономической системы (*Шумпетер, 1995. С. 40*)¹⁶. «Русский марксизм ждал освобождения от индустриального развития России, которого народничество как раз хотело избежать. Капиталистическая индустрия должна привести к образованию и развитию рабочего класса, который и есть класс освободитель. Поэтому марксисты стояли за пролетаризацию крестьянства, которой народники хотели не допустить» (*Бердяев, 1990. С. 79*). В этом их поддерживали легальные марксисты, для которых развитие промышленности и капитализма (а не изменение социально-классовой структуры общества) имело самодовлеющее значение.

Это наглядно видно на примере и ранних, и поздних работ М. И. Туган-Барановского. Первые были написаны ещё в середине 90-х годов XIX века и стали достоянием широкой европейской общественности после перевода его книги «*Периодические промышленные кризисы в Англии*» (1894) на немецкий (1901) и французский (1913) языки (*Туган-Барановский, 1894; 1913; 1901*). Туган-Барановский различает простое товарное хозяйство (при котором "общее товарное перепроизводство возможно, отнюдь не необходимо" (*Туган-Барановский, 1998. С. 549*)) и капиталистическое хозяйство, для которого характерны периодические экономические кризисы.

Полемизуя с русским либеральным народником В. П. Воронцовым,

¹⁵ «Первые русские марксисты очень любили говорить о развитии материальных производительных сил, как главной надежде и опоре. При этом их интересовало не столько само экономическое развитие России, как положительная цель и благо, сколько образование орудия революционной борьбы. Такова была революционная психология» (*Бердяев, 1990. С. 79*).

¹⁶ «Не удивительно, - писал Й. А. Шумпетер, - что его немецкие и русские читатели – по аналогичной склонности (к философствованию – Р. Н.) и в силу схожего образования – ухватились, прежде всего, за эти аспекты его учения, сделав их ключевыми для всей системы».

М. И. Туган-Барановский в своём анализе кризисов прямо исходит из схем простого и расширенного воспроизводства, опубликованных во II томе "Капитала" К. Маркса. Правда, он несколько изменяет и дополняет их (*Туган-Барановский, 1894. С. 408-427; 1899*). Это необходимо ему для того, чтобы показать, что капитализм в значительной степени развивается за счёт роста техники. А также для того, чтобы показать, что развитие это осуществляется крайне неравномерно, создавая объективную возможность несовпадения предложения и спроса. Однако эта возможность периодически превращается в действительность благодаря внутренним противоречиям капитализма.

"Кризисы капитализма, - по мнению М. И. Туган-Барановского, - заложены ... в самой природе капиталистического хозяйства". Они вытекают из трёх его особенностей – из того, что капиталистическое хозяйство есть:

- хозяйство антагонистическое;
- имеющее тенденцию к неограниченному расширению производства,
- хозяйство неорганизованное, в котором присутствует планомерное распределение общественного производства между различными отраслями труда (*Туган-Барановский, 1998. С. 550-551*).

В центре внимания М. И. Туган-Барановского была проблема экономического цикла. Причинами успеха его подхода было сочетание историко-статистического анализа с теоретическим (*Туган-Барановский, 1998. С. 541*)¹⁷. М. И. Туган-Барановский разграничивал накопление ссудного капитала и реального производительного капитала. При этом он последовательно доказывал, что промышленный цикл первичен, а торговый цикл вторичен и что материальной основой экономического цикла является периодическое создание нового основного капитала, то есть фактически – инновации. Основой циклических колебаний были, по мнению Туган-Барановского, изменения цен на железо – главного в то время конструкционного материала орудий производства (*Туган-Барановский, 1998. С. 539, 551*).

С конца 1870-х гг. кризисы приобретают уже мировой характер. Разница, по мнению Туган-Барановского, заключалась лишь в том, что в разных странах застой имел неодинаковую степень интенсивности. При этом "сила потрясения народного хозяйства той или иной страны при переходе от подъёма к упадку была прямо пропорциональной интенсивности подъёма" (*Туган-Барановский, 1998. С. 541*).

Это не значит, что все идеи Маркса были восприняты без каких бы то ни было отклонений. Наоборот, многие из положений Маркса воспринимались довольно критически. Правда, это в основном была либеральная критика марксизма. В числе критиков были И. И. Кауфман (1848–1916), Л. А. Полонский (1833–1913), И. К. Бабст (1824–1881), Н. И. Зибер (1844–1888) и др. В 1890-х гг. появляются статьи Н. К. Михайловского (1842–1904) против марксизма. А позднее даже возникает российский "катедер-социализм" (И. И. Иванюков, А. И. Чупров, А. А. Исаев). Профессор

¹⁷ Особенно подробно М. И. Туган-Барановский анализирует английские кризисы второй четверти - середины XIX века: 1825, 1836, 1847, 1857, 1866. "Начиная с 70-х годов прошлого века, – пишет М. И. Туган-Барановский, - в Англии типичные кризисы прежнего времени прекратились. Их заменили периодические промышленные депрессии. Каждое десятилетие наблюдается подъем промышленной волны, выражающийся в расширении производства и торговли и подъеме цен (особенно, железа) и затем падение. Но переход от подъёма к падению, не сопровождается кризисом, как раньше".

политической экономии Московского университета, видный деятель партии кадетов (а позднее и министр просвещения во Временном правительстве) А. А. Мануилов (1861–1919) писал, что во второй половине XIX в. наиболее авторитетными и популярными в России были Маркс и Рикардо, что за немногими исключениями все курсы политической экономии были построены на учениях этих экономистов, что особенностью русской экономической мысли того времени стала своеобразная рикардо - марксовская система.

4. В. И Ленин как популяризатор и вульгаризатор Маркса

С точки зрения нашей темы не безынтересно показать, как были препарированы взгляды К. Маркса в ленинских работах, написанных в конце XIX – начале XX века и, прежде всего, в его монографии «Развитие капитализма в России» (1899), которую можно рассматривать как своеобразное зеркало представлений российских марксистов об успехах копирующей модернизации. Хотя марксизм в современной России не слишком популярен, основные идеи этой книги продолжают жить и в современной историко-экономической науке, переносясь на оценки процессов модернизации современных стран периферии капиталистической мир-экономики. Для этого есть основания, поскольку монография Ленина была выполнена на довольно высоком уровне, если вспомнить о том, что автор был юристом по образованию (к тому же сдавшим университетские экзамены экстерном). Не удивительно, что далеко не все экономические идеи выдержали проверку временем. Анализируя его находки и просчеты, мы можем многое понять в современных дискуссиях о догоняющем развитии.

Центральное место в работах В. И. Ленина 90-х годов XIX в. занимает теория товарного производства¹⁸. Это связано с разбором теоретических ошибок экономистов-народников по вопросу о роли рынка в развитии капитализма и оценке его судеб в России. «Рынок, - пишет В. И. Ленин, - есть категория товарного хозяйства, которое в своем развитии превращается в капиталистическое хозяйство и только при этом последнем приобретает полное господство и всеобщую распространенность. Поэтому для разбора основных теоретических положений о внутреннем рынке мы должны исходить из простого товарного хозяйства и следить за постепенным превращением его в капиталистическое» (*Ленин, 1967. Т. 3. С. 21*). В работах 90-х годов В. И. Ленин подробно анализирует признаки товарного производства, его основные стадии развития, общее и особенное в превращении товарного производства в капиталистическое в пореформенной России¹⁹. В этой связи В. И. Ленин дает ряд определений товарного производства. Наиболее полным из них является определение в работе «По поводу так называемого вопроса о рынках». «Под товарным производством, - пишет В. И. Ленин, - разумеется такая организация общественного хозяйства, когда продукты производятся отдельными, обособленными производителями, причем каждый специализируется на выработке одного какого-либо продукта, так что для удовлетворения общественных потребностей необходима купля-продажа продуктов (становящихся в силу этого товарами) на рынке»²⁰. В качестве основы товарного производства

¹⁸ Специальный анализ экономического содержания каждой из работ см.: (*Пашков, 1960*).

¹⁹ Подробнее см.: (*Хессин, 1968*).

²⁰ Там же. Т. 1. С. 86-87; см. также: Т. 1. С. 120, 425, 453; Т. 3. С. 21-22 и др.

В. И. Ленин выделяет общественное разделение труда, в рамках которого происходят обособление и специализация частных производителей на производстве отдельных продуктов. Специализация производителей на изготовлении отдельных видов товаров в условиях обособленности каждого из них друг от друга приводит к тому, что удовлетворение общественных потребностей возможно лишь путем купли-продажи товаров. Следовательно, только посредством рынка устанавливается связь между обособленными на базе общественного разделения труда товаропроизводителями. Рынок, по мысли В. И. Ленина, осуществляет своеобразный общественный учет затраченного на производство товара труда. Однако «учет этот производится за спиной производителя, посредством рыночных колебаний». Таким образом, рынок рассматривается В. И. Лениным не только как форма экономической взаимосвязи, но и как регулятор общественного производства²¹.

Чем глубже общественное разделение труда, тем выше уровень развития товарного производства и, следовательно, внутреннего рынка. Углубление общественного разделения труда приводит к обособлению от земледелия все новых и новых отраслей промышленности. Поэтому В. И. Ленин делает вывод о том, что следствием развития товарного и, в особенности, капиталистического производства является более быстрый рост торгово-промышленного (и вообще неземледельческого) населения по сравнению с земледельческим²².

В историческом развитии капитализма, с точки зрения В. И. Ленина, существенны два момента: «1) превращение натурального хозяйства непосредственных производителей в товарное и 2) превращение товарного хозяйства в капиталистическое»²³. В работе «По поводу так называемого вопроса о рынках» В. И. Ленин представил абстрактно-теоретическую схему такого превращения, в рамках которой он выделяет «6 периодов, выражающих стадии превращения натурального хозяйства в капиталистическое». Анализ шаг за шагом показывает, как осуществляется специализация производителей на производстве отдельных видов товаров, как она охватывает все новые и новые отрасли, углубляет общественное разделение труда и в конечном счете приводит к разложению товаропроизводителей на капиталистов и пролетариат. Появление товара рабочая сила знаменует перерастание простого товарного производства в капиталистическое.

Такая схема носила слишком умозрительный характер и породила позднее ложное представление о том, что товарное производство само по себе (в любых условиях!) способно перерасти в капитализм²⁴. Возникшее на Древнем Востоке товарное производство тысячелетиями существовало в порах господствующего натурального хозяйства и смогло перерасти в капиталистическое лишь с возникновением в процессе так называемого первоначального капитала рынка труда. И это возникло не в результате простого углубления разделения труда или его большей специализации, как наивно полагал в 90-е годы В. И. Ленин. Такая ошибка привела к тому, что

²¹ Подробнее см.: (Хессин, 1968). Т. 1. С. 425, 66.

²² Там же. Т. 3. С. 24-25, 58; Т. 4. С. 41 и др.

²³ Там же. Т. 1. С. 87.

²⁴ Позднее эта ошибка будет закреплена в афористичной фразе в "Детской болезни "левизны" в коммунизме": "Мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом размере" (Ленин. Т. 41).

при анализе генезиса капитализма он абстрагировался от феодальных и полуфеодальных отношений, господствующих в аграрной сфере пореформенной России. Процесс отделения непосредственных производителей начинается там и тогда, когда созданы определённые институциональные предпосылки, так и не ставшие в то время предметом ленинского анализа.

Такой подход породил и другую методологическую ошибку о логике и структуре "Капитала" К. Маркса. Именно "с лёгкой ленинской руки" в русскую марксистскую литературу вошло ошибочное представление о том, что предметом исследования первого отдела первого тома "Капитала" являются не товар и товарное обращение, а товарное производство. Этот предрассудок сумели преодолеть в отечественной литературе лишь в начале 1970-х годов (*Шкредов, 1973*), да и то далеко не все.

Отделение непосредственных производителей от средств производства создает, по мысли В. И. Ленина, внутренний рынок и со стороны средств производства, которые превращаются в постоянный капитал и приобретают товарную форму, и со стороны средств существования, которые принимают форму переменного капитала и также превращаются в товар, который приобретают наемные рабочие²⁵. Такой подход позволил В. И. Ленину сделать вывод о том, «что вопрос о внутреннем рынке, как отдельный самостоятельный вопрос, не зависящий от вопроса о степени развития капитализма, вовсе не существует... «Внутренний рынок» для капитализма создается самим развивающимся капитализмом, который углубляет общественное разделение труда и разлагает непосредственных производителей на капиталистов и рабочих. Степень развития внутреннего рынка есть степень развития капитализма в стране»²⁶.

Ленинская постановка вопроса о взаимосвязи внутреннего рынка и генезиса капитализма рассматривала процесс становления капитализма **главным образом с точки зрения развития товарной формы**. Она наглядно показывала простое товарное производство как всеобщую основу капиталистического, **оставляя при этом в тени исследование содержания процесса этого перехода, то есть анализ буржуазной аграрной революции**.

Хотя в книге «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин начинает исследование становления капитализма с аграрной сферы, эта сфера анализируется прежде всего со стороны формы хозяйства, а не его содержания. Эта область считалась экономистами-народниками наименее подверженной капиталистическому развитию, казалась им подлинным оплотом «народного производства». Признавая развитие капитализма в промышленности, они недооценивали его в сельском хозяйстве. Даже Г. В. Плеханов, доказывая развитие капитализма в России, начинает в работе «Наши разногласия» с анализа кустарного и промышленного производства и лишь потом переходит к исследованию генезиса капитализма в земледелии (*Плеханов, 1956. Т. I. С. 220-289*). В отличие от своих предшественников В. И. Ленин старается доказать, что товарное производство, существующее в аграрной сфере пореформенной России, представляет наиболее глубокую основу становления и развития капитализма. Более того, В. И. Ленин пытается определить уровень развития товарного производства в деревне, степень его перерастания в капиталистическое производство.

²⁵ Подробнее см.: (*Хессин, 1968*). С. 87-94; Т. 3. С. 58-59.

²⁶ Там же. Т. 3. С. 60.

Объективная трудность исследования состояла в том, что процесс перехода от феодального хозяйства к капиталистическому был еще далеко не завершен. Он вызвал обилие переходных форм, понять социально-экономическую природу которых, их удельный вес, степень взаимовлияния и проникновения можно было лишь после тщательного и детального анализа, рассматривая их динамику в длительной исторической перспективе. Между тем для такого анализа отсутствовали необходимые статистические данные. В России не производились аграрные цензы, затрагивающие все население страны. Наиболее надежными являлись выборочные обследования, охватывавшие лишь отдельные уезды губерний. Однако и они характеризовали лишь короткий промежуток времени в пореформенной России.

Тем более весомой представляется попытка В. И. Ленина решить проблему комплексно. Он рассматривает развитие внутреннего рынка и становление капитализма как в социально-экономическом (анализируя крестьянские и помещичьи хозяйства), так и в технико-экономическом плане (исследуя основные отрасли сельскохозяйственного производства). Это предопределило внутреннюю логику исследования аграрной сферы в «Развитии капитализма в России». Сначала В. И. Ленин анализирует разложение крестьянства (глава II), затем — переход землевладельцев от барщинного хозяйства к капиталистическому (глава III) и, наконец, рост торгового земледелия (глава IV). Именно такой, комплексный подход в сочетании с более совершенной методикой исследования позволил В. И. Ленину продвинуться в анализе генезиса капитализма в России не только гораздо дальше либеральных народников и легальных марксистов, но и дальше Г. В. Плеханова.

Во второй главе В. И. Ленин критикует взгляды либеральных народников на хозяйственный строй общинного крестьянства как особый тип «народного производства» и противопоставляет им марксистский анализ основных черт крестьянского хозяйства и сущность его эволюции в последней трети XIX в., привлекая с этой целью к исследованию довольно большой статистический и фактический материал.

При этом В. И. Ленин использует индуктивный метод, что нередко приводит его к довольно смелым и неправомерным обобщениям. Недостатки такого подхода заметно уменьшаются, когда индуктивный метод дополняется дедуктивным. Сначала он анализирует данные земско-статистических подворных переписей 21 уезда 7 губерний, а затем на основании военно-конских переписей 1888—1891 и 1896—1900 гг. делает вывод обо всем крестьянстве европейской части Российской империи. В. И. Ленин впервые применяет детально разработанную им методику анализа дифференциации крестьянства. В частности, В. И. Ленин использует 14 показателей, свидетельствующих о разложении крестьянства: 1) число дворов; 2) число душ обоюбого пола крестьянского населения; 3) количество земли наделной; 4) купчей; 5) арендованной; 6) сданной в аренду; 7) всего землевладения или землепользования группы (надельная земля + купчая + аренда — сдача); 8) посева; 9) рабочего скота; 10) всего скота; 11) дворов с батраками; 12) дворов с заработками (выделяя по возможности те виды «заработков», среди которых преобладает работа по найму, продажа рабочей силы); 13) торгово-промышленных заведений и 14) улучшенных земледельческих орудий. Данные о сдаче земли и заработках, писал В. И.

Ленин, имеют «отрицательное значение, показывая упадок хозяйства, разорение крестьянина и превращение его в рабочего. Все остальные данные имеют положительное значение, показывая расширение хозяйства и превращение крестьянина в сельского предпринимателя» (*Ленин, 1967. Т. 3. С. 121*).

Такая оригинальная методика исследования позволила дать многомерную характеристику как зажиточного (по оценке В. И. Ленина, высшая группа в 20% дворов), так и неимущего крестьянства (к которому была отнесена низшая группа в 50% дворов). Анализ показал, что зажиточное крестьянство, составлявшее в среднем менее 1/3 населения, располагало 3/4 купчей земли, 60% арендованной, имело в пользовании 43% всей земли, почти половину общего посева, рабочего скота и торгово-промышленных заведений. К тому же на зажиточное крестьянство приходилось почти 2/3 общего числа дворов с батраками и лишь 11% дворов с «заработками» и 4/5 дворов с улучшенными орудиями труда. Эти хозяйства почти не сдавали земли. В отличие от зажиточного неимущее крестьянство (40% населения) составляло очень скромную долю в покупке (10%) и аренде (12%) земли, выступало в качестве ее главного сдатчика (79%). В результате на неимущее крестьянство (т. е. на половину общего числа дворов) приходилось лишь 1/4 действительного земледелия, 1/5 посевов и рабочего скота. Две трети дворов неимущего крестьянства имели работников, уходящих на заработки²⁷.

Важное значение для анализа степени дифференциации крестьянства имели данные о денежных расходах крестьян, почерпнутые Лениным из земско-статистических исследований крестьянских бюджетов (по четырем уездам Воронежской губернии, 1889). К сожалению, они носили точечный характер, что не помешало сделать В. И. Ленину далеко идущие выводы.

Анализ этих данных показал, что процент денежной части во всех группах крестьянства не ниже 40, а в крайних группах — свыше 50 (у безлошадных — 55-57%, у многолошадных — 59-60%)²⁸. И это в средней черноземной полосе, где денежное хозяйство развито слабее, чем в промышленных районах и степных окраинах России. В. И. Ленин обратил внимание и на то, что так называемый уравнительный порядок распределения податей внутри общины служит обогащению зажиточного крестьянства: чем состоятельнее крестьянство, тем меньшую долю составляют подати ко всему его расходу. Это происходило потому, что крестьяне делили подати по земле. Однако распределение наделной земли не учитывало дифференциацию крестьянства. При таких условиях распределение податей по наделной земле неизбежно вело к переложению налогов с зажиточного крестьянства на крестьянскую бедноту.

В итоге выяснялось, что "буржуазные" и "пролетарские" слои уже больше втянуты в товарно-денежные отношения, чем среднее крестьянство, для которого типично наименьшее развитие товарного производства. Это означало, что разложение крестьянства создает внутренний рынок для капитализма. Неимущее крестьянство способствует развитию рынка, предъявляя спрос на предметы личного потребления. Эта группа хозяйств меньше, чем среднее крестьянство, потребляет, но больше покупает. У

²⁷ Подробнее см.: (*Хессин, 1968*). С. 127-131, а также диаграмму, изображающую таблицы А и Б.

²⁸ Там же. С. 146, а также Т. 1. С. 313-319.

зажиточного крестьянства связь с рынком осуществляется и по линии потребления, и по линии производства. Выяснение возрастающей зависимости от рынка различных типов хозяйств составляет заслугу Ленина.

Вывод В. И. Ленина о том, что пореформенное русское крестьянство уже вовлечено в товарное производство, был важен для критики народников, игнорировавших внутренние противоречия этого строя экономических отношений, которые способствовали расслоению крестьянства. Однако В. И. Ленин идет дальше и делает смелый вывод о разложении крестьянства. Сущность его состоит в создании новых типов сельского населения: буржуазии (достигавшей, по мнению Ленина, 30 % населения) и пролетариата, «класса наемных рабочих с наделом» (составлявшего, по оценке Ленина, 40 % населения). Поэтому вопреки мнению либеральных народников, писал Ленин, «русское общинное крестьянство — не антагонист капитализма, а, напротив, самая глубокая и самая прочная основа его» (Ленин, 1967. Т. 3. С. 165, 170). Это, конечно, было смелым и далеко идущим преувеличением. Ведь даже по ленинским (далеко не бесспорным) данным, получалось, что в аграрной сфере у каждого капиталиста было в среднем по 1,3 наёмного работника!

В. И. Ленин в тот период заметно преувеличивал степень дифференциации крестьянства. Отчасти это было связано с недостатком статистических данных (Ленин, 1967. Т. 3. С. 174), отчасти — с методикой анализа. Рассматривая во II главе работы «Развитие капитализма в России» разложение крестьянства, Ленин абстрагировался от помещичьих латифундий, которые были связаны с крестьянскими хозяйствами не товарно-денежными, а натуральными и внеэкономическими отношениями, эксплуатируя их полуфеодальными методами. «...Верно определяя *направление* развития, - напишет позднее В. И. Ленин, - мы неверно определили *момент* развития. Мы предположили, что элементы капиталистического земледелия уже вполне сложились в России, сложились и в помещичьем хозяйстве (минус кабальные «отрезки» — отсюда требование отрезков), сложились и в крестьянском хозяйстве, которое казалось выделившим крепкую крестьянскую буржуазию и неспособным, поэтому к «крестьянской аграрной революции»» (Ленин, 1968. Т. 16. С. 268-269).

В. И. Ленин анализирует в 90-е годы не только процесс разложения крестьянства, выражающий капиталистическую эволюцию его экономического строя, но также условия и закономерности эволюции помещичьего хозяйства. Как показано в книге Ленина, пореформенное помещичье хозяйство по своему экономическому строю представляет переходную систему, в которой сочетались как барщинные, так и капиталистические черты. Критикуя народническую идеализацию отработок, Ленин попытался выяснить их экономическую сущность как прямого пережитка барщинного хозяйства, раскрыть пагубное влияние этой системы на положение крестьянства, развитие сельского хозяйства и экономики всей страны. Ленин определил ведущую тенденцию развития помещичьего хозяйства — вытеснение отработочной системы хозяйства капиталистической — и выяснил условия и прогрессивный характер перехода к капиталистической системе.

Особое внимание Ленин уделял применению машин в сельском хозяйстве и распространению наемного труда в земледелии. Для того, чтобы показать процесс развития капитализма в сельском хозяйстве, В. И. Ленин

анализирует немецкие фермы, возникшие на Юге и Востоке Европейской России. Спрос на рабочую силу в губерниях с более высоким развитием капитализма способствовал миграции земледельческого населения. В. И. Ленин показывает, что главным районом прихода были южные и восточные окраины Европейской России, а главным районом выхода — средние черноземные губернии, т. е. миграция осуществлялась «из местностей, в которых всего сильнее было развито крепостное право, в местности, где оно было всего слабее; — из местностей с наибольшим развитием отработков в местности... высокого развития капитализма». Миграция, по подсчетам В. И. Ленина, охватывала около половины низшей группы крестьянства. Крестьяне стремились «уйти туда, где лучше». Поэтому Ленин подчеркивает значение земледельческого отхода как процесса, который не только способствует повышению заработной платы наемных рабочих, но и разрушает полуфеодалные формы найма и отработки, а также создает необходимую для капитализма подвижность населения (*Ленин, 1967. Т. 3. С. 233, 234, 236, 244*).

О развитии капитализма в России свидетельствовал также рост товарности сельскохозяйственного производства. В результате специализации темпы роста товарного хлеба опережали увеличение валового сбора зерна. Быстро росло и торговое скотоводство как в помещичьих, так и в крестьянских хозяйствах. Еще быстрее развивался товарный характер хозяйств, производивших и осуществлявших первичную обработку технических культур (винокурение; свеклосахарное, картофельно-крахмальное и маслособойное производство; табаководство и т. д.). Земледелие в пореформенной России все в большей степени принимало торговый, предпринимательский характер. Однако в отличие от обрабатывающей промышленности (в которой в результате специализации выделяются самостоятельные отрасли, производящие лишь один продукт) в земледелии углубление общественного разделения труда не приводило к очень узкой специализации хозяйства, а проявлялось в подчинении его производству главного продукта. Повышение товарности сельскохозяйственного производства также свидетельствовало о расширении внутреннего рынка и развитии капитализма в земледелии.

Проделанный анализ позволил В. И. Ленину выделить четыре момента, характеризующие прогрессивную историческую роль капитализма в русском земледелии. Во-первых, капитализм. По мнению автора, уже разрушил сословное землевладение, подчинил производство рынку; во-вторых, ускорил развитие сельского хозяйства, способствовал повышению производительной силы труда и культуры производства; в-третьих, создал в России крупное земледельческое производство, основанное на употреблении машин и широкой кооперации рабочих, и, наконец, в-четвертых, подорвал отработки и личную зависимость земледельцев. В. И. Ленин рассматривает эти моменты как составные части процесса обобществления сельскохозяйственного производства (*Ленин, 1967. Т. 3. С. 310-314*) капитализмом.

Анализируя создание внутреннего рынка, В. И. Ленин определял основное направление развития — переход от крепостнической к капиталистической форме хозяйства. Поэтому он уделяет особое внимание первым росткам нового буржуазного строя. Лишь позднее В. И. Ленин делает вывод о том, что «**крупное капиталистическое земледелие**

стоит в чисто русских губерниях безусловно на заднем плане. Преобладает мелкая культура на крупных латифундиях (Курсив мой – Р. Н.): различные формы крепостническо-кабальной аренды, отработочного (барщинного) хозяйства, «зимней наемки», кабалы за potravу, кабалы за отрезки и так далее без конца» (*Ленин, 1968. Т. 16. С. 201*). Поэтому народнические теории периода первой русской революции, ратовавшие за «трудовое начало» и «уравнительность», не только отражали мелкобуржуазные иллюзии крестьянства, но и выражали протест крестьянства против крепостнических латифундий (*Ленин, 1968. Т. 16. С. 231-264*).

До революции 1905—1907 гг. не существовало открытой революционной борьбы крестьянства, его классов и слоев, а потому было трудно точно оценить соотношение капиталистических и феодальных элементов в аграрном строе. «Остатки крепостного права казались нам тогда мелкой частностью,— капиталистическое хозяйство на надельной и на помещичьей земле — вполне созревшим и окрепшим явлением. Революция разоблачила эту ошибку. Направление развития, определенное нами, она подтвердила... Но остатки крепостничества в деревне оказались гораздо сильнее, чем мы думали, они вызвали общенациональное движение крестьянства, они сделали из *этого* движения оселок всей буржуазной революции» (*Ленин, 1968. Т. 16. С. 269*).

В. И. Ленин не ограничивается исследованием аграрной сферы, но и анализирует три стадии развития капитализма в промышленности. Однако и здесь Маркс оказался чрезвычайно "неудобным" для В. И. Ленина предшественником.

По Марксу, "исторически и логически исходным пунктом капиталистического производства" является кооперация (*Маркс и Энгельс. Т. 23. С. 333*). Она стала первой стадией развития чисто дедуктивным путём. Поскольку мануфактура включает в себя кооперацию и разделение труда одновременно, что предопределило анализ двух путей её возникновения (путём кооперации ранее разделённого труда, и разделения на отдельные операции в прошлом кооперативного труда. Так возникли два вида мануфактурного разделения труда (подетальное и пооперационное) и две формы мануфактуры (гетерогенная и органическая). Маркс выделяет в качестве первой (простейшей) формы производства относительной прибавочной ценности ту, которая может существовать независимо от другой. Ей оказалась кооперация, которая не образует в реальной истории мало-мальски заметный период существования. Поэтому здесь В. И. Ленину пришлось многое додумывать самому. К тому же Ленина успел опередить Туган-Барановский, издавший в 1898 году монографию "Русская фабрика в прошлом и настоящем" (*Туган-Барановский, 1898. Т. I*), которую защитил в том же году в качестве докторской диссертации.

Особое внимание В. И. Ленин уделяет первым стадиям капитализма в промышленности. Дело в том, что народники рассматривали кустарную промышленность как «народное производство», которое они сильно идеализировали, видя в нем формы сотрудничества и добровольной кооперации, прообраз некапиталистического будущего. В отличие от экономистов-народников Ленин стремится раскрыть капиталистический характер кустарного производства, показать связь и преемственность в развитии всех стадий капитализма в промышленности. «Надо доказать, —

формулировал В. И. Ленин задачу критики экономических основ народничества еще в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», — что крупный капитализм в России относится к «народному производству», как вполне развитое явление к неразвитому, как высшая стадия развития капиталистической общественной формации к низшей ее стадии...» (*Ленин, 1898. Т. I. С. 466*). Используемое народниками понятие «кустарная промышленность» страдало крайней категориальной неопределенностью, поэтому В. И. Ленин дает классификацию различных форм «соединения промысла и земледелия», начиная с простейших, натуральных форм, к которым относит домашнюю промышленность и ремесло. В условиях работы на заказ даже «продукт труда ремесленника не появляется на рынке, почти не выходя из области натурального хозяйства крестьянина». Лишь постепенно, в ходе специализации, усиливается вовлечение ремесла в товарное обращение и товарное производство. В. И. Ленин выделяет две основные формы роста мелких промыслов в пореформенной России: переселение ремесленников на окраины (развитие вширь) и расширение и укрепление ранее существовавших промыслов (развитие вглубь). Анализируя материалы подворных переписей кустарей 33 промыслов Московской губернии, В. И. Ленин показывает, что с расширением размеров заведения повышается роль наемного труда и его производительность. На долю 15% наиболее крупных заведений в промыслах Московской губернии приходится 45% производства, на долю 53% низших — 21%. Поэтому В. И. Ленин делал вывод: «Экономический строй мелких крестьянских промыслов представляет из себя типичный мелкобуржуазный строй» (*Ленин, 1898. Т. 3. С. 331, 351, 352*).

Особое внимание В. И. Ленин уделяет показу роли торгового капитала в генезисе капитализма в промыслах пореформенной России. Раздробленность и противоположность интересов мелких производителей, противоречие между массовым характером сбыта и мелким характером производства неизбежно вызывают появление скупщика. В. И. Ленин называет основные формы, отражающие стадии развития торгового капитала в мелких промыслах. Первоначальной формой является покупка изделий у мелких товаропроизводителей, затем осуществляется соединение торгового капитала с ростовщичеством и как следствие этого — плата за изделия товарами. Более высокую форму представляет плата за изделия товарами, необходимыми для производства (сырье, вспомогательные материалы и т. д.). И наконец, процесс завершается прямой раздачей материала для производства товаров за плату, что равносильно капиталистической работе на дому (*Ленин, 1898. Т. 3. С. 366-369*).

В. И. Ленин специально останавливается на характере связи сельских промыслов с земледелием, потому что этому вопросу придавали большое значение экономисты-народники. В отличие от капитализма, для которого характерно отделение промышленности от земледелия, для «народного производства», считали они, типично соединение земледельческого и ремесленного труда в одном хозяйстве. Однако их рассуждения, как показывает В. И. Ленин, основывались на представлении о крестьянстве как целом и не учитывали в полной мере расслоения и разложения крестьянства. В действительности в пореформенной России наблюдались различные исторические формы связи промышленности и земледелия. Наряду с натуральными (домашняя промышленность и ремесло)

существовали достаточно развитые товарные формы, свидетельствующие о становлении капитализма в сельском хозяйстве (торговое земледелие в сочетании с мелкобуржуазными промыслами, с одной стороны, и наемный труд в земледелии, дополнявшийся наймом в промышленности — с другой), а также переходные между ними формы (когда патриархальное земледелие соединялось либо с мелким товарным производством, либо с работой по найму). В. И. Ленин показывает, что, «чем захолустнее деревня..., тем сильнее монополия местных торговцев и ростовщиков, тем сильнее подчинение им окрестных крестьян и тем более грубые формы принимает это подчинение». Лишь капитализм «разрушает первобытные формы кабалы и личной зависимости» (*Ленин, 1898. Т. 3. С. 378-380, 383*).

Заслугой В. И. Ленина является изучение особенностей капиталистической мануфактуры и капиталистической работы на дому в пореформенной России. Сложность анализа заключалась в том, что официальная статистика не замечала мануфактуры и относила ее либо к кустарному производству, либо к фабрикам и заводам. Поэтому В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России» дает широкий обзор отраслей, для которых типичны мануфактурные формы производства. Он не только раскрывает значение разделения труда и особенности технического базиса мануфактуры, но и подробно характеризует мануфактурную стадию как особую форму отделения промышленности от земледелия. Для нее типично образование неземледельческих центров: городов и особенно «кустарных» сел. Отделение промышленности от земледелия выражается и в том, что мануфактура уродует производителя, он становится негодным для земледелия, превращается в частичного рабочего. Отделение проявляется во всем укладе жизни, отражается на общем облике населения. Для жителей «кустарных» сел характерен более высокий уровень грамотности, потребностей и т. д. И хотя вокруг неземледельческого центра уже складывается круг земледельческих поселений, все же полного отделения промышленности от земледелия на мануфактурной стадии не происходит.

В. И. Ленин раскрывает капиталистический характер мануфактуры, доказывая, что громадное большинство работников превратилось уже в наемных рабочих. Он анализирует особенности мануфактуры как капиталистического предприятия (сочетание нескольких крупных заведений с обилием мелких, тесную связь торгового и промышленного капитала и др.).

Важное место в работе «Развитие капитализма в России» занимает исследование капиталистической работы на дому, неизбежного спутника развития капитализма в промышленности, получившего наибольшее распространение именно в мануфактурный период. В. И. Ленин перечисляет характерные черты капиталистической работы на дому: огромное число посредников между капиталистом и наемным рабочим, натуральная форма оплаты, широкое развитие различных форм личной зависимости, антисанитарные условия производства (соединение жилого и рабочего помещений), чрезмерная длина рабочего дня, постоянное привлечение к труду женщин и детей, снижение уровня потребностей рабочих, их крайняя разобщенность и т. д. (*Ленин, 1898. Т. 3. С. 442-444*). В. И. Ленин показывает, что причины широкого распространения капиталистической работы на дому связаны с условиями, в которые поставлено крестьянство в пореформенной России (отсутствие свободы передвижения, необходимость уплаты денежных платежей за землю, сословная замкнутость крестьянства, его разложение и т.

д.). Расчеты, произведенные В. И. Лениным, показали, что под видом кустарей скрывается не менее 2 млн. рабочих (*Ленин, 1898. Т. 3. С. 450*). Это было существенным шагом вперед по сравнению с либеральными народниками, которые (например, Н. Ф. Даниельсон) хотя и наблюдали процесс «капитализации промыслов», тем не менее ограничивали капитализм главным образом крупной промышленностью²⁹.

В. И. Ленин критикует и другую догму народников, полагавших, что крупная промышленность развивается не вширь, а только вглубь и не способна занять освобождающуюся в процессе разложения крестьянства рабочую силу. С этой целью в 90-е годы В. И. Ленин исследовал развитие крупной машинной индустрии. Сложность анализа усугублялась несовершенством фабрично-заводской статистики. В ней отсутствовало точное определение понятия «фабрика» (завод). Поэтому В. И. Ленин должен был проделать большую работу по проверке и сопоставлению имеющихся данных в различных отраслях обрабатывающей и добывающей промышленности, с тем чтобы доказать, что в пореформенной России произошло заметное увеличение числа фабрик, фабрично-заводских рабочих и размеров производства.

В. И. Ленин обратил особое внимание на такую характерную черту развития капитализма в России, как высокая концентрация рабочей силы на крупнейших предприятиях. Уже в 1890 г. $\frac{3}{4}$ фабрично-заводских и горных рабочих работало на предприятиях с числом занятых не менее 100 и почти половина — на предприятиях, насчитывавших свыше 500 рабочих. В. И. Ленин выделяет и такую особенность развития капитализма в России, как значительная роль сельских фабричных центров. В фабричных и кустарных селах в 1890 г. работало около $\frac{1}{3}$ всех фабрично-заводских рабочих (*Ленин, 1967. Т. 3. С. 516, 521*). Поэтому В. И. Ленин делает вывод о том, что индустриальное население России значительно больше городского. Более быстрый рост сельских центров по сравнению с городскими показывает: «... во-1-х, с какой быстротой крупная машинная индустрия преобразует общественно-экономические отношения... Во-2-х... что капитализм преодолевает те препятствия, которые ставит ему сословная замкнутость крестьянской общины, и извлекает даже для себя пользу из этой замкнутости... В-3-х... показывает, как неосновательно мнение об оторванности русской фабрики от массы крестьянства, о слабом влиянии ее на последнее» (*Ленин, 1967. Т. 3. С. 523-524*). В то же время этот быстрый рост, отмечает В. И. Ленин, содержит в себе и определенные трудности для развития рабочего движения. «Превращая сразу захолустного мужика в рабочего, фабрика может на некоторое время обеспечить себя наиболее дешевыми, наименее развитыми и наименее требовательными «руками»» (*Ленин, 1967. Т. 3. С. 525*). Однако подобные явления не могут остановить роста рабочего движения и носят, по мнению автора, лишь временный характер.

Анализ трех стадий капитализма в русской промышленности не только раскрыл связь и преемственность в их развитии, но и дал о них представление как об элементах капиталистического обобществления производства (*Ленин, 1967. Т. 3. С. 550-551*). Характеризуя процесс создания внутреннего рынка, В. И. Ленин показывает образование не только собственно товарного рынка (рост товарного обращения и торгово-

²⁹ См.: Николай — он [Даниельсон Н.] Указ. соч. С. 79-343.

промышленного населения), но и рынка труда. В пореформенной России происходило развитие капитализма и вширь, и вглубь. Важное значение в образовании национального внутреннего рынка на рабочую силу имела миграция земледельческих и неземледельческих рабочих. В. И. Ленин пишет об экономической колонизации в пореформенный период южных и восточных окраин империи. Быстрые темпы их развития объясняются тем, что они обладали свободными, доступными для переселенцев землями и были уже втянуты в международное разделение труда, связаны с мировым рынком.

Прогрессивная историческая роль капитализма, резюмирует В. И. Ленин, выражается в повышении производительных сил общественного труда и его обобществлении. Рост производительных сил наиболее ярко проявляется в эпоху крупной машинной индустрии и находит свое наглядное выражение, по мнению В. И. Ленина, в преимущественном росте производства средств производства. Обобществление труда проявляется в разрушении натуральной замкнутости и создании национального и мирового рынка, в развитии концентрации производства, ликвидации личной зависимости, увеличении подвижности населения, сокращении его земледельческой части, росте потребности населения в новом типе объединения, а также в изменении всего духовного облика населения (*Ленин, 1967. Т. 3. С. 597-600*).

Проделанный В. И. Лениным анализ показал, что капитализм в России уже начал выполнять свою историческую миссию и мог бы развиваться еще быстрее, если бы не многочисленные, бережно охраняемые царским правительством феодальные и дофеодальные пережитки.

Главное достоинство работ В. И. Ленина 90-х годов заключалось в том, что он сумел показать развитие капитализма «снизу» — от его простейших форм, возникающих в процессе разложения крестьянства и в кустарной промышленности, вплоть до фабрично-заводской формы. Именно этой направленностью анализа, диктовавшейся интересами опровержения экономической идеологии либерального народничества, объясняется то, что В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» не уделяет большого внимания широко распространенным в России формам насаждения капитализма «сверху» (путем выгодных, гарантированных заказов, крупных субсидий, дотаций частному капиталу, путем создания монопольных условий производства и реализации отдельных видов продукции, прямого развития государственного предпринимательства и т. д.).

Парадокс использования капитализма для укрепления российской полуазиатской монархии остался за границами исследований русских марксистов. Их интересовали, прежде всего, общие закономерности становления капитализма, а не его особенности, связанные с периферийным положением России в капиталистической мир-экономике. Эти особенности выпадали из их поля зрения и стали предметом специального анализа лишь в наши дни.

Россия была первой страной, осуществившей перевод II тома «Капитала». Уже в конце 1885 г. журнал «Русское богатство» (в № 10-12) публикует подробный реферат II тома, а в декабре 1885 г. он выходит отдельной книгой в переводе Н. Ф. Даниельсона. Однако значение марксистской теории воспроизводства и обращения всего общественного капитала было осознано далеко не сразу. В конце XIX — начале XX в.

происходило распространение концепций, критиковавших позицию К. Маркса с двух прямо противоположных сторон. Одни исследователи, развивая концепцию С. Сисмонди (русские либеральные народники, Р. Люксембург и др.), отрицали возможность капиталистического расширенного воспроизводства без внешнего рынка или некапиталистической среды. Другие, — вслед за Д. Рикардо, Ж.-Б. Сэем (легальные марксисты и др.), пропагандировали теории о независимости производства от потребления, пытались доказать возможность безграничного и бесконфликтного расширенного воспроизводства при капитализме. Об этом, в частности, свидетельствовали схемы, разработанные М. И. Туган-Барановским в его книге «Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь» (Туган-Барановский, 1894. С. 408-426).

Критикуя экономистов-народников, В. И. Ленин доказал, что в основе их «теории рынка» лежит ошибочное привлечение внешнего рынка (и «третьих лиц» вообще) при рассмотрении вопросов абстрактной теории реализации при капитализме, односторонняя характеристика процесса разложения крестьянства, отождествление размеров рынка с размерами личного потребления, игнорирование производительного потребления. В. И. Ленин показал, что необходимость внешнего рынка при капитализме связана не с невозможностью реализации прибавочной ценности, а с другими обстоятельствами, и прежде всего с неравномерностью, непропорциональностью в развитии отдельных отраслей производства, со стремлением капитала к безграничному росту производства, перерастающего границы местного, а затем и национального рынка (Ленин, 1967. Т. 3. С. 56, 57).

В. И. Ленин в то же время решительно выступил против искажений теории реализации К. Маркса, которые допускали легальные марксисты, используя эту теорию в своей критике народнической концепции рынков. Критике со стороны В. И. Ленина подверглись попытки отождествления теории реализации Маркса с теорией сбыта Сэя — Рикардо и преувеличения роли последней, а также стремления «подправить» схемы воспроизводства К. Маркса. В работах В. И. Ленина содержится критика тезиса Туган-Барановского о противоречии между II и III томами «Капитала» в анализе процесса реализации при капитализме (Ленин, 1967. Т. 4. С. 47, 49, 51, 52).

В. И. Ленин в статьях «Заметка к вопросу о теории рынков (По поводу полемики гг. Туган-Барановского и Булгакова)» (1898) и «Еще к вопросу о теории реализации» (1899) провел различие между представленной во II томе «Капитала» абстрактной теорией реализации и конкретным процессом реализации, исследованным Марксом в III томе «Капитала» (Ленин, 1967. Т. 4. С. 46-49, 74-81 и др.). В. И. Ленин показал, что пропорциональность при капитализме является лишь моментом общего диспропорционального развития, вскрыл особенности характерного для буржуазного общества противоречия между производством и потреблением. «Противоречие между производством и потреблением, присущее капитализму,— писал В. И. Ленин в статье «Ответ г. П. Нежданову» (1899),— состоит в том, что производство растет с громадной быстротой, что конкуренция сообщает ему тенденцию безграничного расширения, тогда как потребление (личное) если и растет, то крайне слабо; пролетарское состояние народных масс не дает возможности быстро расти личному потреблению» (Ленин, 1967. Т. 4. С. 158).

Развивая марксистский анализ расширенного воспроизводства при капитализме, В. И. Ленин в работе «По поводу так называемого вопроса о рынках» сформулировал закон преимущественного роста производства средств производства. В. И. Ленин исходил из того, что повышение производительной силы труда при капитализме выражается в росте органического строения капитала, что в свою очередь ведет к более быстрому увеличению спроса на средства производства и соответственно к преимущественному росту производства средств производства по сравнению с производством предметов потребления. Таким образом, более быстрый рост I подразделения по сравнению со II подразделением является, по мысли В. И. Ленина, законом расширенного воспроизводства в условиях развивающегося капитализма и замены ручного труда машинным.

В. И. Ленин опирается на схемы расширенного воспроизводства К. Маркса, приведенные им в 21-й главе II тома «Капитала». Анализируя накопление и расширенное воспроизводство, К. Маркс исходил из ведущей роли I подразделения. Она подчеркнута порядком исследования, а также тем обстоятельством, что норма накопления в I подразделении является независимой переменной величиной, а во II — зависимой. К тому же в первом примере — и это заметила Р. Люксембург — темпы роста всех частей совокупного общественного продукта имеют тенденцию к выравниванию на уровне темпов роста I подразделения. В схемах К. Маркса не показано увеличение органического строения капитала, однако оно предполагается, о чем свидетельствуют два примера расширенного воспроизводства. В частности, если в первом примере соотношение постоянного и переменного капитала (органическое строение капитала) составляет 4 : 1 (I подразделение) и 2 : 1 (II подразделение), то во втором примере оно уже достигает 5 : 1 (в обоих подразделениях). Второй пример, по мнению К. Маркса, отражает более высокий уровень развития капитализма (*Маркс и Энгельс. Т. 24. С. 585*).

В. И. Ленин использует первый пример Маркса, так как он относится к более раннему этапу развития капитализма, т. е. такой пример, который более близок пореформенной России. В соответствии со схемами К. Маркса половина прибавочной ценности направляется в фонд накопления. Деление же этого фонда на постоянный и переменный капитал осуществляется с учетом роста производительной силы труда, который выражается, по мнению В. И. Ленина, в более высоком органическом строении капитала. Поэтому добавочные капиталы в схеме В. И. Ленина имеют гораздо более высокое органическое строение: в I подразделении — 9 : 1, 20 : 1, 25,8 : 1; во II — 5 : 1, 25 : 3, 10 : 1. Как показали работы советских экономистов, органическое строение добавочных капиталов вычислялось В. И. Лениным по формуле: $r^{(n+2)} = r^{(n+1)} + (r^{(n+1)} - r^n)/2$ (*Ленин, 1967. Т. 1. С. 79; Два подразделения общественного производства, 1971. С. 46-47; Соотношения двух подразделений общественного производства, 1983. С. 120-121*). Исходя из этой формулы, можно определить органическое строение в каждом из подразделений. Например, во II подразделении органическое строение добавочного капитала в третьем году будет равно $25/3 + ((25/3 - 5)/2) = 10$. Включение добавочных капиталов с заметно более высоким органическим строением привело к тому, что общее органическое строение капитала выросло к четвертому году в I подразделении с 4 : 1 до 5 : 1 и во II подразделении с 2 : 1 до 2,12 : 1. Теоретический анализ и произведенный

наглядный расчет позволили В. И. Ленину сформулировать вывод о том, что «в капиталистическом обществе производство средств производства возрастает быстрее, чем производство средств потребления» (Ленин, 1967. Т. 1. С. 81). Такое стремительное расходование прибавочной ценности только на рост постоянного капитала неизбежно должно было привести к резкому падению темпов роста общественного производства.

В 1970-е годы экономисты Госплана СССР посчитали, что будет через 100 лет с темпами роста общественных подразделений, если воспользоваться формулой Ленина. Оказалось, что темпы роста стремительно упадут: I подразделения для I подразделения со 111,25% до 101,91%, I подразделения со 109,2% до 101,9%, совокупного общественного продукта со 106,89% до 101,86%, I подразделения для II подразделения со 103,33% до 101,56%, II подразделения со 102,33% до 100,97% и потом немного возрастут до 101,36%. Неудивительно, что последовательная реализация закона преимущественного роста в Советском Союзе привела к таким печальным последствиям в нашей стране.

Имея в виду проблему рынка в России, В. И. Ленин писал, что «изложенный вывод можно формулировать еще несколько иначе: в капиталистическом обществе рост производства (а следовательно, и «рынка») может идти либо на счет возрастания предметов потребления, либо — и это — главным образом — на счет прогресса техники, т. е. вытеснения ручного труда машинным, — так как изменение отношения v к c и выражает собой именно уменьшение роли ручного труда» (Ленин, 1967. Т. 1. С. 81, прим.).

Показывая специфически капиталистический характер действия закона преимущественного роста средств производства, В. И. Ленин формулирует тезис об относительной независимости развития I подразделения от II. «Рост внутреннего рынка для капитализма, — пишет В. И. Ленин, — до известной степени «независим» от роста личного потребления, совершаясь более на счет производительного потребления. Но было бы ошибочно понимать эту «независимость» в смысле полной оторванности производительного потребления от личного...» (Ленин, 1967. Т. 3. С. 42).

В связи с выходом книги Р. Люксембург «Накопление капитала», в которой подвергалась критике теория реализации К. Маркса, В. И. Ленин в 1913 г. собирался написать статью, посвященную защите и развитию марксистской теории воспроизводства (Ленин. Т. 48. С. 173). К сожалению, реализовать этот замысел ему не удалось. Однако до нас дошли замечания, сделанные при чтении книги Р. Люксембург, набросок плана работы и четыре таблицы, иллюстрирующие изменение структуры совокупного общественного продукта по общественно-экономическим формациям³⁰. Три таблицы носят подготовительный, черновой характер, последняя представляет из себя итоговый, белой вариант.

В полемике с Р. Люксембург В. И. Ленин формулирует ряд новых положений. Наибольший интерес представляет реализованный в составлении таблиц исторический, формационный подход к анализу структуры совокупного общественного продукта. Ленин выделяет три этапа развития человеческого общества: 2000 лет рабства и крепостничества, 200 лет капитализма и 100 лет социализма. Анализ соотношения двух подразделений дается как в относительных (в %), так и в абсолютных

³⁰ См.: Ленинский сборник XXII, с. 337-390; Ленинский сборник XXXVIII, с. 86-94.

величинах (в условных единицах рабочего времени Л, затраченных на производство средств производства и предметов потребления). Такой подход неслучаен. Дело в том, что Р. Люксембург считала, что существует всеобщий закон, согласно которому все большая часть общественного рабочего времени расходуется на производство средств производства по сравнению с производством предметов потребления (*Люксембург, 1934. С. 223-224*). Мы уже отмечали, что В. И. Ленин связывает возникновение закона преимущественного роста I подразделения с заменой ручного труда машинным, а его развитие — с крупным фабричным производством. Поэтому в отличие от Р. Люксембург В. И. Ленин ограничивает действие этого закона лишь капитализмом и социализмом, показывая, что для периода рабства и крепостничества он не характерен.

Анализ таблиц свидетельствует о том, что В. И. Ленин стремится найти наиболее наглядную форму выражения преимуществ социализма перед капитализмом, что проявляется прежде всего в возрастании темпов роста общественного продукта. Интересно отметить, что ускорение должно произойти при сокращении доли накопления в национальном доходе (согласно IV таблице — с 33,3 до 20 %), т. е. в первую очередь за счет роста эффективности производства и значительного увеличения производительности общественного труда.

В. И. Ленин предполагает, что и при социализме сохранится преимущественный рост производства средств производства по сравнению с производством предметов потребления. В то же время при социализме произойдет замедление роста органического строения и сближение темпов роста обоих подразделений. Ленин связывает это с изменением социальных условий: с ликвидацией паразитического потребления эксплуататорских классов и сокращением нормы накопления вследствие роста эффективности социалистического производства.

Итак, подведём краткие итоги. Каковы же были плюсы и минусы раннего распространения марксизма в России?

Распространение марксизма в Российской империи “вширь” произошло в гораздо большей степени, чем это позволяли внутренние экономические, социальные или культурные условия. Но та же российская действительность стала тормозом для распространения марксизма в России “вглубь”, для его развития в целостной и адекватной первоисточнику форме.

В XX век Россия вошла, имея уже сравнительно длительную, но не глубокую традицию марксизма. Действительно настоящие, последовательные марксисты, овладевшие марксизмом не как набором догм, а марксизмом как творчески развивающимся учением, адекватно понимающие его методологию и теорию, исчислялись в России единицами. Преобладали же в России совершенно неадекватные первоисточнику, извращенные формы марксизма. Это не помешало, однако, русским большевикам перейти в 1917 году от теории к практике, к реальному воплощению квазимарксистских идей на 1/6 части земного шара. Это произошло в результате своеобразной русификации марксизма.

Большевики для этого творчески «развили» Маркса, который фактически создал настоящий миф о пролетариате и его исторической роли в освобождении человечества. Именно этот миф и получил дальнейшее развитие на российской почве в трудах большевиков и, прежде всего, В. И. Ленина. Дело в том, что пролетариат в России рос не так быстро, как

хотелось большевикам. Получалось, что если освобождение рабочих будет делом рук самих же рабочих (как считал, например, *Г. В. Плеханов*) ждать придётся довольно долго. В этих условиях Ленин создаёт учение о партии нового типа, в котором происходит соединение марксизма с традициями русской революционности и революционный волюнтаризм приходит на смену его книжно-кабинетному истолкованию. Фактически обосновывается пролетарская революция в крестьянской стране, где мессианскую роль пролетариата выполняет хорошо организованная кучка революционеров, выступающая «от его имени и по его поручению». «Ленин, - писал *Н. А. Бердяев*, - вернулся по-новому к старой традиции русской революционной мысли. Он провозгласил, что промышленная отсталость России, зачаточный характер капитализма есть великое преимущество социальной революции. Не придётся иметь дело с сильной, организованной буржуазией. Тут Ленин принужден был повторить то, что говорил *Ткачёв*, а отнюдь не то, что говорил *Энгельс*. Большевизм гораздо более традиционен, чем это принято думать, он согласен со своеобразием русского исторического процесса. Произошла русификация и ориентализация марксизма» (*Бердяев, 1990. С. 89*)³¹.

5. «Народный» (вульгаризированный) марксизм или развитие марксизма вширь

Мы уже отмечали в предыдущем разделе, что в ряде стран (и Россия в данном случае не исключение) первоначально происходит, главным образом, распространение идей марксизма вширь. Что же касается распространения идей марксизма вглубь, то здесь не только в России, но и в большинстве стран успехи были довольно скромные. Это объясняется, прежде всего, интеллектуальным уровнем учеников и последователей *Карла Маркса*, а также непримиримым отношением основоположника научного коммунизма к своим оппонентам. «К своим политическим врагам, - писал *М. И. Туган-Барановский*, - *Маркс* был беспощаден; а врагом его было сделаться легко – для этого было достаточно не быть его последователем. Одной из самых грустных страниц биографии великого экономиста является его отношение к разным выдающимся людям, с которыми его сталкивала судьба и с которыми он расходился во взглядах. Все полемические столкновения *Маркса* отличаются чрезвычайным избытком личной злобы к противнику и производят тягостное впечатление своим недостатком морального такта. Трудно указать другого такого мастера в уничтожении противника путём выражения ему самого язвительного презрения и трудно указать другого писателя, пускавшего это орудие в ход так часто и так охотно» (*Туган-Барановский, 1996. С. 203*).

Почему же *Марксу* «не повезло» с учениками? Наверное, прежде всего, потому, что он искал их в среде рабочего класса. «... Для миллионов человеческих сердец учение *Маркса* о земном социалистическом рае означало новый луч света и новый смысл жизни, - писал *Й. А. Шумпетер*. - Неважно, что почти все эти миллионы были не в состоянии понять и оценить учение в его истинном значении. Такова судьба всех учений» (*Шумпетер, 1995. С. 37*).

Те немногие, которые вышли не из рабочей среды, к сожалению, не имели фундаментального экономического образования. Не секрет, что даже

³¹ Подробнее о традициях русской революционной мысли и предпосылках этой эволюции марксизма см.: (*Водолазов, 1967*).

учившийся всю свою жизнь Фридрих Энгельс так и не получил университетского образования. Как справедливо заметил Й. А. Шумпетер, «интеллектуально и в особенности как теоретик он стоял значительно ниже Маркса. Нельзя даже быть уверенным в том, что он всегда понимал смысл его учения. Поэтому к его интерпретации следует подходить осторожно» (*Шумпетер, 1995. С. 78*).

Ещё дальше в характеристике Энгельса идут Жан-Мари Альбертини и Ахмед Силем. «Друг, соратник, меценат Маркса, он был первым его вульгаризатором. ...Энгельс умел указать, упростить, пояснить и избежать того, что ему казалось слишком спорным. В последний период жизни Маркса, почти затворнический, был его глашатаем. В общем он осуществил переформулирование, которое позволило марксизму распространиться» (*Альбертини и Силем, 1996. С. 104*).

Что же касается «зятьев» Карла Маркса, то ему, по его мнению, с ними явно не повезло. Шарля Лонге (1839-1903) он называет «последним прудонистом», а Поля Лафарга (1842-1911) – «последним бланкинистом». Даже выделявшийся своей начитанностью Карл Каутский (1854-1938) показался Марксу сначала «мелкой посредственностью». Тем не менее, влияние популяризаторов и вульгаризаторов трудно недооценить. Именно они способствовали распространению народного марксизма, что является уникальным социальным феноменом, сравнимым разве что с распространением мировых религий! Не случайно первоначальной задачей первых популяризаторов стала систематизация марксизма. В 1893 году появляется статья Ф. Меринга (1846-1919) «Исторический материализм», в 1895 книга Г. В. Плеханова (1856-1938) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», в 1896 – работа А. Лабриолы (1843-1904) «Очерки материалистического понимания истории». Все они происходили из более экономически отсталых южных или восточных районов Европы. Все они переписывались с Ф. Энгельсом, который оказал решающее влияние на становление их марксистских взглядов.

Работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» оказала большое влияние на социал-демократическую литературу. Идеи Ф. Энгельса отразились в книге П. Лафарга «Собственность и ее происхождение» (1895), в монографии Р. Люксембург (1870-1919) «Введение в политическую экономию» (написанной в 1907-1913 гг. и опубликованной в 1925 г.) и других работах. Авторы этих монографий сосредоточивали свое внимание, главным образом, на обосновании материализма в исследовании отношений и исторически преходящего характера частной собственности. При этом собственность рассматривалась, как правило, не через систему производственных отношений (как в «Капитале» К. Маркса), а трактовалась как отдельное отношение (собственность на предметы личного пользования, собственность на орудия производства, собственность на капитал)³².

Популяризируя взгляды К. Маркса, П. Лафарг и Ф. Меринг, - справедливо отмечает Б. А. Чагин, - преимущественно останавливаются на обосновании тезиса о зависимости политических и идеологических надстроек в обществе от его экономического основания. П. Лафарг в этой связи даже говорил о материалистическом понимании истории как об «экономическом материализме». В этом отношении и для Ф. Меринга была характерна

³² См., напр.: (*Лафарг, 1959. С. 39-45*).

известная прямолинейность, на что указывал Энгельс после прочтения меринговской «Легенды о Лессинге» (*Чагин, 1977. С. 16*).

Всякий отход от узкоэкономического объективизма воспринимался не только академическими учеными, но и социал-демократическими теоретиками как отступление от исторического материализма, отказ от основных заповедей марксизма. Наглядный пример - критика положения Ф. Энгельса о двух сторонах производства и воспроизводства непосредственной жизни (производство средств жизни и производство самого человека), о характере их соотношения на ранних этапах развития человеческого общества (*Маркс и Энгельс. Т. 21. С. 25-26*). Историки и социологи П. Вейзенгрюн (Германия), Н. И. Кареев и Н. К. Михайловский (Россия), а позднее и немецкие социал-демократы К. Каутский и Г. Кунов сочли это замечание Ф. Энгельса вынужденной уступкой, отступлением от материализма, сделанным под влиянием книги Л. Г. Моргана³³. «Производство людей, - поучал К. Каутский Ф. Энгельса, - фактор не равносильный производству средств существования, а зависящий от него» (*Каутский, 1923. Т. XII. С. 119*). В 40-е годы XX в. эта критика была перенесена в марксистскую литературу (*Светлов, 1940. С. 58*).

Механистическое обоснование материализма в познании социально-экономических явлений, акцент на изучении истории как естественно-исторического процесса привели к недооценке общественной практики и ее роли в преобразовании и развитии общества. Понимание истории как результата деятельности людей оказалось в тени. Это типично не только для К. Каутского, но и в какой-то мере для крупнейшего среди социал-демократов философа - Г. В. Плеханова.

Характеризуя материалистическое понимание истории, Г. В. Плеханов всегда стремился найти конечную причину общественного развития. «Если бы мы захотели кратко выразить взгляд Маркса-Энгельса на отношение знаменитого теперь «основания» к не менее знаменитой «надстройке», - писал Г. В. Плеханов, - то у нас получилось бы вот что:

- 1) состояние производительных сил;
- 2) обусловленные им экономические отношения;
- 3) социально-политический строй, выросший на данной экономической «основе»;
- 4) определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем психика общественного человека;
- 5) различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики» (*Плеханов, 1956-1958. Т. 3. С. 179-180*).

Формула Г. В. Плеханова материалистична, однако этот материализм недостаточно диалектичен. И дело даже не в отдельной нечеткости формулировок (состояние производительных сил и т. д.). Дело в том, что не показана диалектика взаимосвязи производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки, роль классовой борьбы, не отражены правовые институты, односторонне представлены формы общественного сознания. Поэтому неудивительно, что из этой краткой формулировки исчезли такие фундаментальные для марксизма понятия, как способ производства и общественная формация. Непонимание

³³ См.: (*Weisengrun, 1898. P. 170; Кареев, 1894. С. 601; Михайловский, 1894. С. 108-109; Каутски, 1923. С. 119; Кунов, 1930. С. 121-124*).

взаимообусловленного отношения производительных сил и производственных отношений ставило перед Г. В. Плехановым вопрос о конечной причине развития производительных сил. Такую первооснову он находил в географической среде. Конечно, Г. В. Плеханов был далек от географического детерминизма и прекрасно понимал, что «географическая среда влияет на человека через общественную», что «географическая среда совсем иначе влияла на германцев времен Цезаря, чем влияет она на нынешних обитателей Англии». Тем не менее он полагал, что «развитие производительных сил само определяется свойствами окружающей людей географической среды» (*Плеханов, 1956-1958. Т. 1. С. 689*).

Именно благодаря Г. В. Плеханову взгляд на орудия труда как на определяющий момент производительных сил получил широкое распространение. Включая в производительные силы предмет труда, он особо выделяет значение орудий труда. «Вот почему, - пишет он, - точнее будет говорить не о развитии орудий труда, а вообще о развитии средств производства, производительных сил, хотя совершенно несомненно, что самая важная роль в этом развитии принадлежит или, по крайней мере, принадлежала до сих пор (до появления важных химических производств) именно орудиям труда» (*Плеханов, 1956-1958. Т. 1. С. 609*). Абсолютизация роли средств производства объективно способствовала недооценке трудящихся как главной производительной силы. Против объективистской трактовки марксизма и сведения его к экономическому материализму выступил А. А. Богданов (1873-1929). В отличие от Г. В. Плеханова центральным понятием философии марксизма А. А. Богданов считал практику, активность и живой труд (*Богданов, 1913. С. 197-198*). Разделяя взгляды А. А. Богданова, А. В. Луначарский (1878-1933) полагал, что его философия - это возвращение к «настоящему невульгаризированному, неплеханизированному Марксу» (*Пустарников, 1974. С. 260*).

Любопытно однако, что и второе поколение марксистов вышло из Восточной и Центральной Европы. Это были более подготовленные марксисты, которые написали свои крупные работы ещё до первой мировой войны. Практически этому поколению предстояло сыграть решающую роль в руководстве национальными рабочими партиями. Эти люди не были кабинетными учеными. Это было поколение, которое стремилось соединить марксистскую теорию с практикой рабочего движения. Теория им была нужна для обоснования практических действий. Многие из них по-своему интерпретировали учение Маркса: Рудольф Гильфердинг (1877-1941), Жан Жорес (1859-1914), Отто Бауэр (1881-1938), Владимир Ильич Ульянов (Ленин, 1870-1924), Лев Давидович Бронштейн (Троцкий, 1879-1940), Николай Иванович Бухарин (1888-1938). И именно благодаря их деятельности миллионы людей приняли анализ реальности, прямо или косвенно вытекающий из марксизма. Это стало одним из важнейших факторов, предопределившим развитие марксизма в XX веке.

В начале XX века появляются работы, пытающиеся развивать марксизм в «отраслевом» (работы К. Каутского по аграрному или О. Бауэра национальному вопросу) или «национальном» (В. И. Ленин) направлении. Во второе десятилетие появляются и более сложные произведения, пытающиеся отразить новые явления капитализма. Это прежде всего работы по империализму: «Финансовый капитал» Р. Гильфердинга (1910),

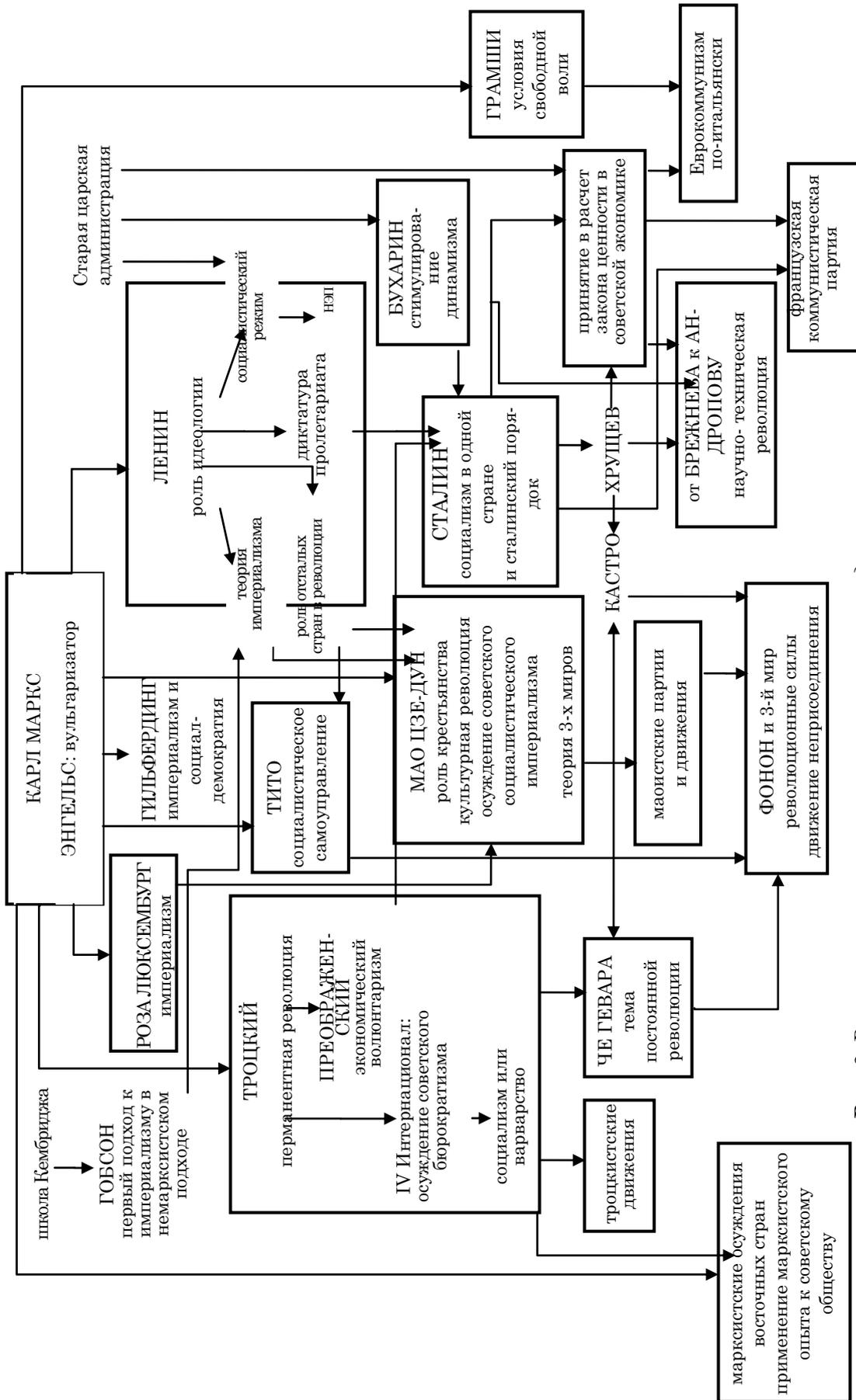

Рис. 3. Развитие революционного активизма и «народного» марксизма
Составлено по: (Альбертини и Силем, 1996. С. 114).

«Накопление капитала» Р. Люксембург (1913), «Империализм и мировая экономика» Н. И. Бухарина (1915), «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленина (1917). Несмотря на очевидные достижения в этой области, они не были прямым продолжением «Капитала» К. Маркса. Они не развивали систему категорий и законов «Капитала», а дополняли или конкретизировали отдельные тенденции, подмеченные Марксом и, к сожалению, были гораздо ниже по уровню. Дело в том, что ни Георгий Плеханов, ни Карл Каутский, ни даже Владимир Ленин не поняли диалектики «Капитала» Карла Маркса. Это наглядно видно по их работам: «Наши разногласия» (1885) Георгия Плеханова, «Аграрный вопрос» (1899) Карла Каутского, «Развитие капитализма в России» (1899) Владимира Ленина³⁴ и «Накопление капитала» (1913) Розы Люксембург. Неудивительно, что в 1914 году Ленин запишет, что «нельзя вполне понять «Капитала» Маркса, и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логике Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял «Капитал» К. Маркса 1/2 спустя!» (*Ленин. Т. 29. С. 162*).

Конечно, Маркс не повинен в том, что написали его ученики, однако они развивали традиции марксистского активизма и волюнтаризма. Ведь это Маркс считал, что дело не только в том, чтобы объяснить мир, но и в том, чтобы изменить его; в том, чтобы «экспроприировать экспроприаторов» (*Маркс и Энгельс. Т. 3, С. 4; Т. 23, С. 773*). Из этого революционного активизма выросли и теория перманентной революции Льва Троцкого, и диктатура пролетариата в трактовке Владимира Ильича Ленина, и экономический волюнтаризм Евгения Алексеевича Преображенского (1886-1937), и практика построения социализма в одной стране Иосифа Виссарионовича Джугашвили (*Сталина, 1879-1953*), и культурная революция Мао Дзедуна (1893-1976), и многие другие ультрареволюционные концепции. Весьма схематично развитие вульгаризированного марксизма, связанное с подготовкой и обоснованием революционного преобразования мира, может быть представлено в следующем виде (см. рис. 3).

6. «Академический» (западный) марксизм или развитие марксизма вглубь

Фридрих Энгельс в речи во время похорон Маркса в качестве крупнейших его достижений выделяет два открытия: материалистическое понимание истории и закон движения современного капиталистического способа производства – производство прибавочной ценности (*Маркс и Энгельс. Т. 19. С. 350-351*). Относительно прибавочной ценности мы уже выяснили во втором разделе. Эта теория не произвела большого впечатления на западную экономическую науку в XIX – первой половине XX века. Однако, может быть, ситуация изменилась с годами?

Повысился ли интерес к экономическому учению К. Маркса в академической неоклассической науке развитых стран в конце XX века? Скорее нет, чем да. Он оказался на периферии основного направления экономической мысли, которая пошла другим путем. Развитие марксистского анализа капитализма имеет определённые достижения, связанные с конкретизацией и дальнейшим развитием теории накопления капитала - исследованием экономических циклов перепроизводства, теории

³⁴ Подробнее см. (*Нуреев, 1999. С. 87-112*).

империализма, глобализации экономики и возникшими в этой связи проблемами взаимоотношений центра и периферии (см. рис. 4).

Совсем иная ситуация произошла с первым открытием Маркса. Интерес к нему с годами скорее возрастал, чем падал. Новые поколения марксистов: Д. Лукач (1885-1971), К. Корш (1886-1961), А. Грамши (1881-1937), В. Бенъямин (1892-1940), М. Хоркхаймер (1895-1973), Г. Дела Вольпе (1897-1968), Г. Маркузе (1898-1979), А. Лефевр (1905-1991), Т. Адорно (1903-1969), Л. Альтюссер (1918-1990) – создали совершенно иную интеллектуальную среду для развития марксизма. С начала 20-х годов европейский марксизм всё больше перемещается на Запад: в Германию, Францию и Италию. Хотя первые марксисты этого поколения (Д. Лукач, К. Корш и А. Грамши) первоначально были крупными политическими лидерами в своих партиях, постепенно они отошли от практических дел, сконцентрировавшись на вопросах теории. Это еще более характерно для младшего поколения. Будучи неординарными личностями, они никак не могли уложить свое творчество в прокрустово ложе Коммунистического Интернационала. В 20-е годы впервые возникает центр марксистских исследований в капиталистической стране – Институт социальных исследований во Франкфурте, который поддерживал регулярные контакты с Институтом Маркса-Энгельса в Москве. Результатом этого сотрудничества стало начало издания Marks-Engels Gesamtausgabe (MEGA). Первый том вышел во Франкфурте уже в 1927 г.

После прихода к власти нацистов в 1933 г. Институт социальных исследований перемещается в США и развивается в рамках Колумбийского университета в Нью-Йорке, а после войны снова возвращается во Франкфурт (в 1949-1950 гг.). Деятельность этого Института была направлена на деполитизацию теоретических исследований, фактически отделение теории от политики способствовало углублению марксистского анализа. Однако в центре исследований западных марксистов оказались не экономические, а философские проблемы. Маркс был философом среди экономистов экономистом среди философов. Любопытно, что первая составляющая его творчества (философия) оказалась глубже и интереснее для потомков, чем вторая (экономика). «Парадоксально, но западный марксизм в целом развивался в обратном эволюции Маркса направлении. Если основатель исторического материализма постепенно шел от философии к политике и затем к экономике как основной области исследования, то последователи школы, возникшей после 1920 г., чаще стали отходить от экономики и политики и концентрировать свое внимание на философии, практически не занимаясь тем, что особенно интересовало Маркса в пору его зрелости...» (Андерсон, 1991. С. 64-65).

После всплеска леворадикальных настроений в конце 1960-х годов возник новый интерес к неортодоксальному марксизму среди альтернативных мейнстриму течений³⁵. То, что, на первый взгляд, было в тени, постепенно стало интересным, однако, как правило, больше философам, социологам, историкам, политологам и другим представителям смежных дисциплин, чем экономистам.

Методологов «Капитал» заинтересовал как первый успешный опыт применения диалектики к политической экономии. Новые принципы систематизации категорий стали интересны последующим поколениям.

³⁵ Подробнее об академическом марксизме см.: (Пайт, 2007).

Здесь оказалось интересным всё: и формальная логика как предпосылка и момент диалектики, и метод восхождения от абстрактного к конкретному в «Капитале» К. Маркса, и роль антиномий в процессе познания и их отражение в экономической системе, и «Капитал» как открытая система познания.

Историков мысли «Капитал» всегда привлекал как критика политической экономии: как образец бережного отношения к истории экономической мысли, как образец скрупулезного использования источников, как попытка написания истории политической экономии по образцу и подобию «Истории философии» Г. Гегеля (то есть как история рыночной экономики, «взятая в необходимости», как история, воспроизводящаяся в развитии предмета).

Социологов привлекли идеи Маркса об основных формах экономических отношений и ступенях развития личности: диалектика взаимодействия природы и общества, единство собственности и труда, а также взаимосвязь индивида и общности, в которой Карл Маркс выделял следующие ступени развития: личная зависимость, личная независимость, основанная на вещной зависимости, свободная индивидуальность³⁶ - всестороннее развитие каждого как условие развития всех, концепция всестороннего развития личности («по ту сторону материального производства») как предпосылка и элемент современного постиндустриального общества³⁷.

Для специалистов по экономической истории и компаративистике представляет несомненный интерес метод единства исторического и логического, взаимосвязь технико-экономического и социально-экономического анализа, диалектика производительных сил и производственных отношений³⁸, единство формационного и цивилизационного подходов, история как естественно-исторический процесс и как результат деятельности людей, следовательно, больше политическая экономия в широком, чем в узком смысле слова³⁹.

Для институционалистов несомненный интерес представляет новый подход к анализу экономики и права, впервые реализованный в полном объёме в «Капитале». К. Маркс фактически выступает как предшественник институционализма. Он реализует новый подход к анализу экономической природы частной собственности, отличный и от подхода классиков политической экономии, и от леворадикальных критиков

³⁶ Подробнее см. (Нуреев, 1983).

³⁷ В этой связи трудно согласиться с М. И. Туган-Барановским, что «в истории философии для нашего доктора философии почти нет места» (Туган-Барановский, 1996. С. 204).

³⁸ «Несмотря на то, что по истории технологии и связи технологии с экономическим процессом написано не мало замечательной литературы, этот вопрос по существу остался за рамками какого-либо корпуса теории. Исключения составляют труды Карла Маркса, который попытался соединить технологические изменения с институциональными изменениями. Разработка Марксом вопроса о связи производительных сил (под которыми он обычно понимал состояние технологии) с производственными отношениями (под которыми он понимал различные аспекты человеческой организации и особенно права собственности) представляла собой пионерные усилия, направленные на соединение пределов и ограничение технологии с пределами ограничения человеческой организации» (Норт, 1997. С. 168).

³⁹ «Он был первым экономистом высокого ранга, увидевшим и последовательно учившим других тому, как экономическую теорию можно превратить в исторический анализ и как историческое повествование можно обратить в *histoire-raisonnee* (обоснование истории - фр.)» (Шумпетер, 1995. С. 83-84).

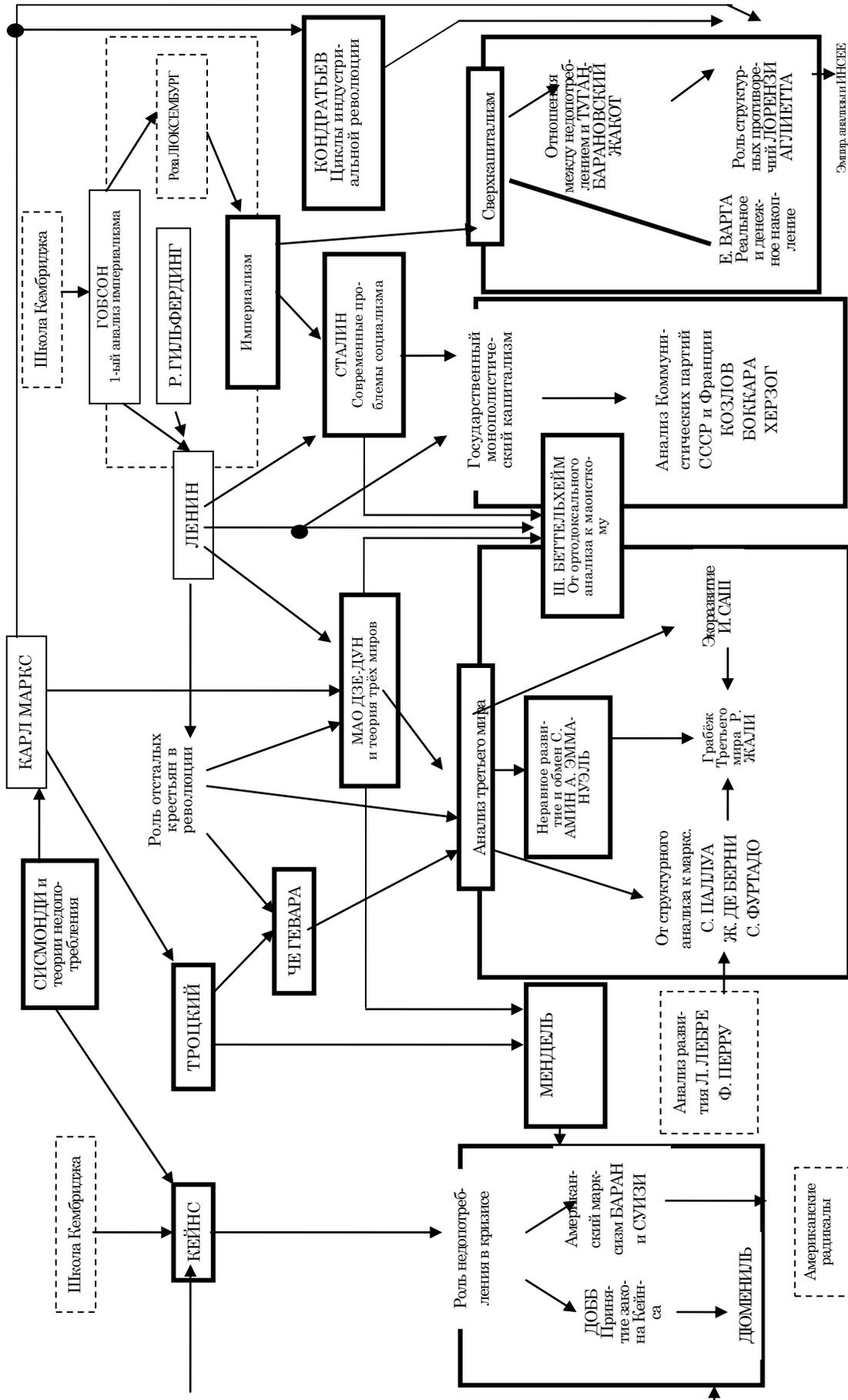

Рис. 4. Академический марксизм: развитие анализа капитализма
Составлено по: (Альбертини и Силем, 1996. С. 132).

этой собственности типа П. Ж. Прудона. Конечно, марксистская и неонституциональная теории прав собственности имеют как единство, так и существенные различия. Однако до сих пор представляет интерес проделанный Марксом анализ отчуждения и фетишизма в условиях рыночной экономики, овеществления лиц и персонификации вещей.

Несомненен и вклад Маркса в становление теории межотраслевого баланса. Конечно, К. Маркс выступает здесь как ученик Ф. Кенэ. Любопытно, что его абстрактная и конкретная теория воспроизводства оказались более универсальными, чем схемы Ленина, которые не выдержали испытания временем, предопределив гипертрофированное развитие первого подразделения в ущерб второму. Непонятая с позиции неоклассической теории равновесия марксистская теория экономических кризисов получила своеобразное развитие в теории Й. А. Шумпетера (1939 г.).

Проявляет ли интерес к К. Марксу академическая наука развивающихся стран? Скорее да, чем нет. В условиях кризиса неоклассики на периферии капиталистического мира постулаты рационального поведения, на которых основаны современные микро- и макроэкономика, практически не работают. Здесь очевиднее плюсы и минусы развития капитализма⁴⁰ и отражающей это развитие неоклассики. Здесь очевиднее проблемы бедности и богатства, здесь очевиднее статический характер современной западной науки. Отсюда нагляднее видны изъяны современного экономико-математического моделирования, опирающегося на рациональный выбор.

Маркс интересен везде, где осуществляются **поиски альтернативы неоклассике**. Неудивительно влияние марксизма на молодую историческую школу (*В. Зомбарт*) и австрийскую экономику (*Э. Бём-Баверк*), на традиционный (*Т. Веблен, К. Поланьи, Г. Мюрдаль*) и новый институционализм (право и экономика), новую экономическую историю (*Д. Норт (North, 1986. P. 57-64), Н. Розенберг (Rosenberg, 1974. P. 713-728)*), и эволюционную экономику (*Й. А. Шумпетер*), посткейнсианство (*Дж. Робинсон, П. Сраффа*) и леворадикальную экономику (*П. Баран, А. Эммануэль, И. Валлерстайн*).

Итак, исторические судьбы марксизма оказались далеко неоднозначными. Чрезвычайная популярность теории, попытка ее сразу и непосредственно применить на практике, к сожалению, сыграла с ней злую шутку и была обращена не во благо человечества. Хочется надеяться, что спокойное, академическое изучение марксизма поможет хотя бы частично реабилитировать его в глазах современников и потомков и использовать его потенциал для решения тех проблем, которые историческое развитие ставит перед человечеством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Альбертини Ж.-М. и *Силем А.* (1996). Понимать экономические теории. Маленький справочник больших течений. М.: Аристей.

Андерсон П. (1991). Размышления о западном марксизме. М.: Интер-

⁴⁰ «Мы... страдаем не только от развития капиталистического производства, но и от недостатка его развития, - писал К. Маркс в «Капитале». - Наряду с бедствиями современной эпохи нас гнетёт целый ряд унаследованных бедствий, существующих вследствие того, что продолжают прозябать стародавние, изжившие себя способы производства и сопутствующие им устарелые общественные и политические отношения» (*Маркс и Энгельс. Т. 23. С. 9*).

Версо.

Багатурия Г. А. и Выгодский В. С. (1976). Экономическое наследие Карла Маркса (история, содержание, методология). М.

Бердяев Н. А. (1990). Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука.

Богданов А. (1913). Философия живого опыта. Популярные очерки.

СПб.

Вазюлин В. А. (1968). Логика «Капитала» К. Маркса. М.: Изд-во МГУ.

Водолазов Г. Г. (1967). От Чернышевского к Плеханову. М.: Изд-во

МГУ.

Воронцов В. В. (1882). Судьбы капитализма в России. СПб.

Воронцов В. В. (1893). Наши направления. СПб.

Всемирная история экономической мысли: В 6 т. Т. 2,3 М.: 1988-1989.

Выгодский В. С. (1970). К истории создания «Капитала». М.

Выгодский В. С. (1975). Экономическое обоснование теории научного коммунизма. М.

Два подразделения общественного производства. М.: 1971.

Ильенков Э. В. (1960). Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М.: Изд-во Академии наук.

История марксистской диалектики. От возникновения марксизма до ленинского этапа. М.: Мысль, 1971.

Кареев Н. И. (1894). Экономический материализм в истории // *Вестник Европы*, авг.

Каутский К. (1923). Размножение и развитие в природе и обществе, Соч. Т. XII. М; Пг.

Коган А. М. (1983). В творческой лаборатории Карла Маркса. М.

Кузьмин В. П. (1976). Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М.

Кунов Г. (1930). Марксова теория исторического прогресса общества и государства. Т. 2. М; Д.

Лафарг П. (1959). «За» и «против» коммунизма. Собственность и ее происхождение. М.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1-55.

Ленинский сборник XXII. М.: Партиздат, 1933.

Ленинский сборник XXXVIII. М.: Политиздат, 1975.

Люксембург Р. (1934). Накопление капитала. М.; Л.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1-50.

Михайловский Н. К. (1894). Литература и жизнь. Русское богатство,

№ 1.

Николай –он (Даниельсон) (1893). Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб.

Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «НАЧАЛА».

Нуреев Р. М. (1983). К. Маркс об основных формах производственных отношений и развитии личности // *Вопросы философии*, №5.

Нуреев Р.М. (1999). Развитие капитализма в России: первый ленинский шаг от схематизма к реальности (возвращаясь к напечатанному). В кн.: Развитие капитализма в России – 100 лет спустя. Москва – Волгоград.

Овсяннико-Куликовский Д. Н. (1923). Николай Иванович Зибер. Воспоминания. Пг.

Пашков А. И. (1960). Экономические работы В. И. Ленина 90-х

годов. М.

Первоначальный вариант «Капитала» (Экономические рукописи Маркса 1857-1859 годов). М., 1987.

Плеханов Г. В. (1956—1958). Избранные философские произведения. В 5-ти томах. М.

Пустарнаков В. Ф. (2004). Парадоксы в истории марксизма в России // Альманах «Восток», Выпуск: N 12(24), декабрь.

Райт Э. (2007). Что такое академический марксизм? // Вопросы экономики, №9.

Реуэль А. А. (1956). Русская экономическая мысль 60-70-х годов XIX века и марксизм. М.

Розенталь М. М. (1967). Диалектика «Капитала» Карла Маркса. М.: Мысль.

Светлов В. (1940). О книге Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» // Большевик, № 24.

Смирнов И. К. (1984). Метод исследования экономического движения капитализма в «Капитале» К. Маркса. Л. Изд-во ЛГУ.

Соотношение двух подразделений общественного производства. 2 изд. М.: 1983.

Туган-Барановский М. И. (1894). Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь. СПб.

Туган-Барановский М. И. (1898). Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование. Т. I. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. СПб.

Туган-Барановский М. И. (1899). Основная ошибка абстрактной теории капитализма Маркса // Научное обозрение, №5.

Туган-Барановский М. И. (1996). К лучшему будущему. М.: РОССПЭН.

Туган-Барановский М. И. (1998). Основы политической экономии. М.: РОССПЭН.

Уин Ф. (2003). Карл Маркс. М.: Издательство АСТ.

Хессин Н. В. (1968). В. И. Ленин о сущности и основных признаках товарного производства. М.: Изд-во МГУ.

Цвайнерт Й. (2007). История экономической мысли в России 1805-1905 гг. М.: ГУ-ВШЭ.

Чагин Б. А. (1977). Разработка Г. В. Плехановым общесоциологической теории марксизма. Л.

Шкредов В. П. (1973). Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса. М.: Изд-во МГУ.

Шумпетер Й. А. (1995). Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика.

North D. (1986). Is it Worth Making Sense of Marx? *Inquiry*, 29.

Rosenberg N. (1974). Karl Marx on the Economic Role of Science. *Journal of Political Economy*, 82.

Rosher W. *Geschichte der National-Ökonomik in Deutschland*. [1874]. Nachdruck. München, 1924.

Tugan-Baranovsky M. (1901). *Studien zur Theorie und Geschichte der Handelskrisen in England*.

Veisengrun P. (1898). *Die Entwicklungsgesetze der Menschheit*. Leipzig.

REFERENCES

- Albertini J.-M. and Silem A.* (1996). Understand the economic theory. Small handbook of large currents. M. Aristej. (in Russian).
- Anderson P.* (1991). Reflections on Western Marxism. M: Inter - Verso. (in Russian).
- Bagaturia G. A. and Vygodsky V. S.* (1976). The economic legacy of Karl Marx (history, content, methodology). M. (in Russian).
- Berdyaev N. A.* (1990). The origin of Russian Communism. M.: Nauka. (in Russian).
- Bogdanov A.* (1913). The philosophy of the living experience. Popular essays. St. Petersburg. (in Russian).
- Vazyulin V. A.* (1968). The logic of "Capital" by K. Marx. M.: Publ. House of MSU. (in Russian).
- Vodolazov G. G.* (1967). From Chernyshevsky to Plekhanov. M.: Publ. House of MSU. (in Russian).
- Vorontsov V. V.* (1882). The fate of capitalism in Russia. St. Petersburg. (in Russian).
- Vorontsov V. V.* (1893). Our destinations. St. Petersburg. (in Russian).
- World history of economic thought, in 6 vols, vol. 2, 3. M., 1988-1989. (in Russian).
- Vigodsky V. S.* (1970). The history of creation of "Capital". M. (in Russian).
- Vigodsky V. S.* (1975). The economic foundation of the theory of scientific communism. M. (in Russian).
- Two units of social production. M., 1971. (in Russian).
- Ilyenkov E. V.* (1960). The dialectics of the abstract and the concrete in "Capital" by K. Marx. M.: Publ. House of the Academy of Sciences. (in Russian).
- History of Marxist dialectics. From the emergence of Marxism to the Leninist stage. M.: Thought, 1971. (in Russian).
- Kareev N. I.* (1894). Economic materialism in history. *Herald of Europe*, in August. (in Russian).
- Kautsky K.* (1923). Reproduction and development of nature and society, vol. XII. M.; Pg. (in Russian).
- Kogan A. M.* (1983). In the creative laboratory of Karl Marx. M. (in Russian).
- Kuzmin V. P.* (1976). System principle in the theory and methodology of K. Marx. M. (in Russian).
- Coonov G.* (1930). Marx's theory of society and the state historical progress, vol. 2. M.; D. (in Russian).
- Lafargue P.* (1959). The pros and cons the communism. Property and its origins. M. (in Russian).
- Lenin V. I.* Complete set of works, vol. 1-55. (in Russian).
- Lenin Collection XXII. M.: Partizdat, 1933. (in Russian).
- Lenin Collection XXXVIII. M.: Politizdat, 1975. (in Russian).
- Luxemburg R.* (1934). The accumulation of capital. M.; L. (in Russian).
- Marx K. and Engels F.* Works. 2nd ed., vol. 1-50. (in Russian).
- Michaelovsky N. K.* (1894). Literature and life. Russian wealth, no. 1. (in Russian).
- Nicholas -on (Danielson)* (1893). Essays on our Post-Reform social economy. St. Petersburg. (in Russian).

- North D.* (1997). Institutions, institutional changes and economic performance. M.: Fond economic book "Nachala". (in Russian).
- Nureev R. M.* (1983). K. Marx about basic forms of productive relations and the development of personality. *Problems of Philosophy*, no. 5. (in Russian).
- Nureev R. M.* (1999). Development of capitalism in Russia: Lenin's first step from the schematics to reality (back to the printed). In.: The Development of Capitalism in Russia - 100 years later. Moscow - Volgograd. (in Russian).
- Ovsyanniko-Kulikovskiy D. N.* (1923). Nikolai Ivanovich Ziber. Memories. Pg. (in Russian).
- Pashkov A. I.* (1960). The economic work by V. I. Lenin in 90s. M. (in Russian).
- The original version of "Capital" (Marx's Economic Manuscripts 1857-1859). M., 1987. (in Russian).
- Plekhanov G. V.* (1956-1958). Selected Philosophical Works. In 5 vol. M. (in Russian).
- Pustarnakov V. F.* (2004). The paradoxes in the history of Marxism in Russia. *Almanac "East"*, Issue no. 12 (24), December. (in Russian).
- Wright E.* (2007). What is the academic Marxism? *Voprosy Ekonomiki*, no. 9. (in Russian).
- Reuel A. A.* (1956). Russian economic thought in 60-70es of the XIX century and Marxism. M. (in Russian).
- Rosenthal M. M.* (1967). The dialectic of "Capital" by Karl Marx. M: Thought. (in Russian).
- Svetlov V.* (1940). On Engels' book "The Origin of the Family, Private Property and the State". *Bolshevik*, no. 24. (in Russian).
- Smirnov I. K.* (1984). The investigation method of capitalism economic movement in "Capital" by K. Marx. L.: Leningrad State University. (in Russian).
- The ratio of the two departments of social production. 2nd ed. M., 1983. (in Russian).
- Tugan-Baranovsky M. I.* (1894). Industrial crises in modern England, causes and impact on people's lives. St. Petersburg. (in Russian).
- Tugan-Baranovsky M. I.* (1898). The Russian factory in the past and the present. Historical and economic study, vol. I. The historical development of Russian factories in the XIX century. St. Petersburg. (in Russian).
- Tugan-Baranovsky M. I.* (1899). The fundamental error of the Marx abstract theory of capitalism. *Scientific Review*, no. 5. (in Russian).
- Tugan-Baranovsky M. I.* (1996). For a better future. M. ROSSPEN. (in Russian).
- Tugan-Baranovsky M. I.* (1998). Principles of Political Economy. M. ROSSPEN. (in Russian).
- Win F.* (2003). Karl Marx. M.: Publ. House AST. (in Russian).
- Hessin N. V.* (1968). V. I. Lenin about the nature and main features of commodity production. M.: Publ. House of MSU. (in Russian).
- Tsvaynert J.* (2007). The history of economic thought in Russia 1805-1905. M.: HSE. (in Russian).
- Chagin B. A.* (1977). Development by G. V. Plekhanov the sociological theory of Marxism. L. (in Russian).
- Shkredov V. P.* (1973). The method of property investigation in "Capital" by K. Marx. M.: Publ. House of MSU. (in Russian).
- Schumpeter J. A.* (1995). Capitalism, Socialism and Democracy. M.:

Economics. (in Russian).

North D. (1986). Is it Worth Making Sense of Marx? *Inquiry*, vol. 29, no. 1.

Rosenberg N. (1974). Karl Marx on the Economic Role of Science. *Journal of Political Economy*, vol. 82.

Rosher W. (1924). Geschichte der National-Ökonomik in Deutschland. [1874]. Nachdruck. München.

Tugan-Baranovsky M. (1901). Studien zur Theorie und Geschichte der Handelskrisen in England.

Veisengrun P. (1898). Die Entwicklungsgesetze der Menschheit. Leipzig.